

СЕТЕРРА

ЗЕНИТ
ЗАТМЕНИЯ

Диана Ибрагимова

Диана Ибрагимова
ЗЕНИТ затмения
Серия «Сетерра», книга 3

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42339117

Зенит затмения: РОСМЭН; М.; 2019

ISBN 978-5-353-09163-9

Аннотация

Третья, заключительная книга серии «Сетерра» Дианы Ибрагимовой, победителя VIII сезона литературного конкурса «Новая детская книга».

Над миром Сетерры скоро опять взойдет черное солнце. Но не как обычно, на третий день, а внезапно, спалив всех людей без исключения.

Кайоши, Астре, Нико, Липкуд и их друзья – как порченые, так и обычные люди – продолжают воплощать в жизнь замысел Такалама и Ри. Но чем дальше, тем больше кажется, что сделать это невозможно: калека теряет вторую руку, артист томится в тюрьме, провидцу больше не снятся вещие сны, а юного властия настигают убийцы... Однако, если они не справятся, затмения не переживет никто.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	33
Глава 3	48
Глава 4	70
Глава 5	87
Конец ознакомительного фрагмента.	111

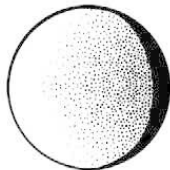
Диана Ибрагимова

Зенит затмения

© Диана Ибрагимова, текст, 2019

© Макет, оформление. ООО «РОСМЭН», 2019

* * *

Пролог

Не всюду нашел я поддержку, и не все были со мной приветливы. Однако мои союзники живут теперь по всему свету. Большинство из них принадлежит к малым народностям, населяющим острова и глухие уголки Сетерры, далекие от цивилизации. Я надеюсь со временем не иссякнуть в их памяти подобно известняку, что по песчинке вымывается водами забвения из ракушечных скал.

(Из черновиков книги «Племя черного солнца» отшельника Такалама)

Река Окагинго в этом году услышала молитвы нанумбийцев и поднялась высоко. Облизала берега, распробовала их и

хлынула в долины вместе с наносами ила. Плодородная благодать снизошла на почвы, пропитанные жирным слоем водорослей.

Засуха миновала поля, и посев завершили вовремя.

– Мои пальцы не чувствуют голод, – сказал Рувва – молодой вождь племени Укку.

Он стоял на берегу вернувшейся в русло реки и смотрел, как алое солнце поднимается над равнинами царства Бодь-й-а. Много лет назад в этом месте его отец беседовал со светлокожим путешественником, а Рувва, спрятавшись в кустах, пытался угадать, о чем они говорят с такой тревогой на лицах.

Теперь отца не было, но переданное им знание хранилось в Рувве и ожидало своего часа, как мошки ждут солнца, чтобы согреться и взлететь над Окагинго серыми клубами.

Ветер толкался в полы балахона, гладил макушку вождя с выбритыми узорами, намазанными зеленой, перемешанной с водорослями глиной; рябью скользил по густому месиву речного потока. Ступни проминали замшелый берег, в котором затаилось множество существ – жучков, червей и улиток. За ними вскоре явятся мелкие птицы. Только страх перед Руввой мешал им скакать вдоль воды, лакомясь дарами почвы, и потому пестрые комки терпеливо ждали в переплетении разросшихся кустов, а иные улетали в стороны.

– Мои пальцы не чувствуют болезнь, – произнес молодой вождь, закрыв глаза и вода руками вверх-вниз.

Несколько раз мужчины его племени ходили против течения, но не нашли ни мертвых животных, разлагавшихся в воде, ни всплывших кверху брюхом рыб. Значит, беда грядет с другой стороны.

Когда Рувва поднял веки, то увидел слева присевшего на валун Чамбо. Юноша подошел неслышно, как гепард, и хотя он наверняка несея сюда во весь дух, ни громкий стук сердца, ни шумное дыхание не нарушило обряд Руввы. Чамбо даже не запыхался, недаром его считали лучшим бегуном племени. У него были длинные, крепкие ноги, и он мог бежать целые сутки, перекусывая на ходу. Вождь постоянно отправлял Чамбо посыльным в соседние племена.

– Ты бежал всю ночь? – спросил Рувва. – Только вчера вышел в путь, а сегодня уже вернулся. Не бережешь себя.

– Не хотел встретить затмение в долине, – сказал Чамбо, вставая и подходя к вождю. – Нувай говорят: в тех местах сейчас много диких кошек. Они нападают на людей во время войны духов. Я хотел успеть вернуться домой.

– Ты молодец, – сдержанно улыбнулся Рувва. – И какие новости с той стороны? Вождю понравились дары? Он говорил с тобой?

– Он принял меня охотно, – кивнул Чамбо. – В их племени десять человек с розовыми лицами. Все говорят то же, что и наши. Как только наступила весна, они почувствовали непонятный страх, и он с каждым днем нарастает, как плесень на сыром стволе. Когда я сказал, что твоего отца тоже

предупреждал белый человек, вождь Нувай захотел лично поговорить с тобой. Он отправил людей в три северных племени и просит тебя оповестить южные. Если раздобудем лошадей, сможем также добраться до Маньока и Уту-Руйи.

Рувва закрыл глаза. Утро было безмятежным и тихим, как долины перед землетрясением, и его пальцы лгали, утопая в спокойствии.

– Я не чувствую великой войны духов, – нахмурился молодой вождь. – Но я не так способен, как мой отец. Думаю, черное время в самом деле скоро наступит. Нам нужно подготовиться и собрать людей. Хорошенько отдохни за эти сутки, Чамбо. Тебя ждет длинная дорога.

Глава 1

Сын драконов

Изменения, внесенные в прималей и порченых, со временем привели к другим внутренним мутациям среди населения Сетерры. Например, тот факт, что провидение в Чаине и Шанве стало настоящей работой, – результат влияния генов прималей.

Немногие знают, но почти все сильные предсказатели хотя бы частично являются «сыновьями Змея». Каким-то образом чаинские и шанвийские монахи поняли, что дети, рожденные под знаком обоих Драконов, гораздо способнее прочих, и стали оказывать им особое внимание. Но храмовникам

до сих пор невдомек, что и другие люди с талантом провидения могут оказаться сыновьями Черного Бога. Просто они недостаточно сильны и не видят снов о прошлом.

В дозатменные времена никто и никогда не опирался на советы прорицателей с такой силой, как сейчас, хотя в большинстве стран ясновидящих до сих пор не признают. Лишь Чаин и Шанва используют «дары Драконов» сполна. И я думаю, именно по этой причине Твадор – один из самых стабильных и спокойных материков мира, а династии Ли и Хо правят уже по пятьсот лет.

Черное солнце, разумеется, не осталось равнодушным к мутациям. Оно побоялось, что предсказатели начнут заглядывать слишком далеко в будущее и разгадают секрет затмения раньше времени, когда человечество еще не будет к этому готово. Потому с некоторых пор введено негласное правило: провидцы не понимают событий, которые произойдут после их смерти.

(Из книги «Племя черного солнца» отшельника Такалама)

*** * ***

Архипелаг Большая Коса, о-в Валаар, Теплая долина, 4-й трид 1020 г. от р. ч. с.

Нико застыл на дне озера, среди развалин, и пузыри ви-

лись вокруг него, как рой бабочек, а гигантские шершавые рыбины терлись о кожу холодными телами. Статуя прималая по-прежнему стояла за аркой, на постаменте, то призрачно сияя под солнцем, то теряясь в тени.

Принц неотрывно смотрел на Маруи, моля его о силе, когда вдруг великан ожил. Он стряхнул с себя рачков и водоросли, спустился с пьедестала, содрогая поступью мертвый Каландул, приблизился к Нико и... оказался Такаламом.

– Почему ты еще не в белом? – грозно спросил старик. – Ты должен вести людей! Все уже собрались! Один ты не готов!

Нико с трудом обернулся и увидел позади обломки статуй, замшелые конечности и головы с наполовину сбитыми лицами.

– Мне некого вести, – растерялся он. – Люди не пришли. И я больше не сын властия, ты же знаешь. Седьмой мертв, его свергли. Твой план не сработал.

Такалам глядел сквозь принца на мраморное кладбище и в этот миг сам был похож на изваяние. Нико снова обернулся и увидел, как в одной из расколотых девушек проступили черты Цуны. Юноша с отломленными руками оказался Мархом, а рядом с ним грудой обломков лежал Рори. Илан с головой, пронзенной железным штырем, покоился на вершине руин и... улыбался. Это все были порченые – чувства, сброшенные людьми на дно Каландула.

Принц хотел помочь им, но не смог пошевелиться. Вода

держала его, словно призрачная сеть.

– Эй! Поднимайтесь! – крикнул Нико, и тут же противная рыбина, пахнувшая уксусом, приклеилась к его лбу и осталась на нем, грея шершавый бок.

– Времени нет! Держись за мои усы! – воскликнул Такалам.

Он принялся раздуваться, пока не превратился в исполинского сома. Усы старика раскрутились и стали похожи на поводя. Нико невозможным усилием схватился за них, и прирмаль рванул вверх, туда, где сквозь толщу воды сияло солнце, напоминавшее громадный подсолнух.

– Скорее! Скорее! – подгонял он, увлекая принца к поверхности.

Нико видел, что куски статуй поднимаются вслед за ними. Противная рыбина все еще липла ко лбу и мешала смотреть, но руки были заняты, и принц не мог ее скинуть.

Сом плыл, неистово превращая пласты озера в пену и ломая кувшинки. Слой воды над головой стал совсем тонким, пронзавшие его лучи стекали в озеро жидким золотом и опускались на дно подсолнухами. Они касались статуй, зарождая в них жизнь, и те устремлялись к свету. Вскоре за Нико плыла армия людей в белых одеждах. Это зрелище наполнило принца ликованием.

– Такалам! – закричал он, выпуская изо рта пузыри. – Такалам, они со мной! Они все со мной!

Вместо ответа сом сделал последний рывок и прорезал

поверхность. Нико готовился вдохнуть свежий воздух, когда прямо над ним навис гигантский черный диск светила. Он ударил принца сотней раскаленных штырей и... разбудил его.

Солнце оказалось медной люстрой с пологом хрустальных подвесок, а затмение – человеком, загородившим свет. Он склонился над Нико, чтобы обтереть лицо и сменить компресс – ту самую «рыбину», не отлипавшую ото лба.

На груди принца блестела армия тонких, как осенние паутинки, иголок. Такие же красовались на руках и ногах, и Нико невольно сравнил себя со швейной подушечкой. Ловкие пальцы мужчины щелкнули каждую иглу и поочередно вынули, а некоторые еще и предварительно покрутили, но боли не было. Принц только поморщился от неприятных мурашек. Он слышал об этой западной методике врачевания от обоих учителей. Но Такалам рассказывал о ее лечебных свойствах, а Тавар о смертоносных.

Акупунктура¹ подействовала сразу, и стало холодно, зато прошло оцепенение. Доктор – сухонький человечек в традиционном чаинском платье, – увидев, что принц в сознании, поднялся одним плавным лебединым движением и засеменял к двери, ступая так тихо, будто ковер под его деревянными башмаками был шерстью спящего чудовища.

Принц несколько раз сжал пальцы в кулак: никакой слабости. Тело было легким, а разум непривычно ясным и спокой-

¹ Акупунктура – то же, что иглотерапия. (Здесь и далее примеч. автора.)

ным. Ничто не пугало, ничто не удивляло. Нико осторожно сел и оглядел спальню, в которой оказался. Он отметил дорогие обои с рисунками голубей в лукошках и ягод черники, морщинистую от узоров резьбы лакированную мебель, витражные окна в пол, занавешенные тюлем, и множество других предметов обстановки, прямо говоривших о Валааре.

«Так откуда, разнеси его пеплом, здесь представитель Твадора?»

Кто-то позади шумно вздохнул. Нико обернулся и увидел крепко спящих затменников. Они лежали на матрацах, как и сам принц, хотя в комнате стояла кровать с балдахинном и ножками в виде львиных лап, где уместился бы эмдавский табор. Вороненка хорошо перевязали, и он дышал ровно. На лицах Дорри и Марха блестела жирная мазь. Принц хотел поправить Яни одеяло и потянулся к ней, но тут в комнату вбежал мальчишка той же национальности, что и доктор. Вздыбленный и краснощекий, наряженный в желтый, волочащийся по полу балахон, он будто вылетел прямиком из парилки и на фоне блекло-голубых стен казался подсолнухом, за которым стынет пасмурное небо.

– А, вы уже проснулись! – воскликнул мальчишка, плюхнув на постель принца стопку одежды и обдав его буйным запахом чеснока. – А меня зовут Осита! А Каёси-танада так и знал, что вы вечером проснетесь! Он видел целых шесть вариантов вашей встречи! В одном вы его аж душили! Моим шелковым шнурком, между прочим! – Осита потряс длин-

ным рукавом. – Вот отсюда вытащили! А это платье даже не мое на самом деле! Оно провидца Ясурамы, а он лучший друг провидца Доо и почти ему брат и точно ему близнец.

Пока Нико соображал, Осита вытянул из стопки коричневые шаровары соахского покроя, тунику с широким воротом и куртку, подбитую мехом и украшенную кожаными лоскутами разных оттенков. Все это словно прибыло с Террая, только ботинки, предложенные Оситой, оказались валаарскими, но сандалии тут бы и не подошли: судя по натопленному камину, погода снаружи совсем не соахская.

– Я вообще-то служу предсказателю Доо, – продолжал мальчишка, шнуруя принцу обувь. – Но пока он не стал самым главным, я служу Каёси-танаде. Так вот, а вы его чуть не задушили шнурком от моего платья, которое раньше носил провидец Ясурама! А он вообще-то хотел его выкинуть, потому что дикие женщины их высмеяли, когда они были в этих платьях. Ну их с предсказателем Доо. И провидец Ясурама зарекся это платье надевать и чуть его не выкинул в море от расстройства! А это же настоящий шелк! Я теперь сам его ношу, правда, оно мне пока большое. Ой, а вам все впопору оказалось! Это потому, что Каёси-танада выбирал! Так, а ваша книга – вот тут, под подушкой лежит, а еще Каёси-танада велел вам отдать вот эту сережку.

Осита протянул Нико змейку на золотой цепочке. Принц рассеянно сунул ее в нагрудный карман и позволил слуге застегнуть куртку. С большим трудом он осознавал, что не

спит.

– Где я?

– Все хорошо, вы не волнуйтесь. Ну, хотя вы же и так спокойный. Наш доктор выбрал самые лучшие лекарства, чтобы не было... ну, в общем, чтобы вы не испортили мое платье и шею Каёси-танады.

«Они меня чем-то опоили».

– Где я нахожусь?

– Мы в долине, рядом с портом, – сообщил Осита. – Ну то есть рядом с городом, в котором порт. Я только название не помню, вы даже не спрашивайте. Оно странное, как наш Каёси-танада. А в долине очень красиво, потому что вода под землей горячая, и все тут растаяло раньше времени. Конечно, у нас в храме в сто раз лучше, но после моря мне и тут как во дворце Ли-Холя, честное слово. Ой, а вы не сердитесь, что я много болтаю? Каёси-танада мне разрешил! Правда-правда! Тут просто совсем не с кем поговорить! В доме только мы с Каёси-танадой, остроухи и наш доктор. Ну, и эти. – Мальчишка кивнул в сторону порченных. – Но они, во-первых, наш язык не понимают. Во-вторых, спят, потому что лекарства еще действуют. А остроухи со мной не разговаривают, а Каёси-танада только команды раздает, а наш доктор немой, а мы тут уже двое суток торчим! Да я чуть не умер от жизни такой! Лучше б меня палками избивали, чем прислуживать в доме, где все молчат. Я так обрадовался, когда узнал, что вы понимаете чаинский и что вы будете меня спрашивать обо

всем, а мне надо отвечать. И чайнский у вас хороший!

– Так, стоп, – развел руками Нико. – Мы в Теплой долине возле Еванды?

Последнее, что он помнил, – длинная игла, впившаяся в плечо, взбешенные кони, мертвые лица возницы и секретаря. Все эти образы пронеслись в голове как видения и ничуть не поколебали железное спокойствие Нико. Он нашел происходящее странным, но не страшным.

– Ага, – бодро сказал Осита и, подумав, добавил: – Каёси-танада такой богатый! Он арендовал тут целый дом, чтобы просто подождать вас! Ну, и еще одного человека. Но про него я совсем ничего не знаю. Я и про вас-то не знал, пока не увидел.

– Давно я тут? – спросил Нико, застегивая манжеты.

– Нет. Вас недавно привезли. Вместе с этими вон. – Осита кивнул в сторону порченных и взялся расчесывать спутанные кудри принца. – Но вы еще в дороге долго проспали, потому что вас пришлось ранить иглой, чтобы... в общем, другому у Каёси-танады не получилось бы с вами спокойно поговорить.

– А теперь расскажи, кто такой этот Каёси-танада и что ему от меня нужно.

– Он сын двух Драконов и главный провидец императора Чайна! – отчеканил Осита, ловко разделяя пряди. – То есть бывший главный. Теперь уже не главный, потому что главным скоро будет провидец Доо, которому я на самом деле

прислуживаю. А вторым главным будет господин Ясурама, это его платье я ношу. А что Каёси-танаде от вас надо, я не знаю. Он мне не отчитывается. Это вы сами его спросите и потом мне расскажете, ладно? Я за это вас чесночной конфеткой угощу! Договорились? Нет? Тогда дам две! Но больше и не просите! У меня их всего пять штук осталось! Могу одну сейчас дать, а вторую потом, когда все узнаете.

«Рехнуться можно, – подумал Нико. – Неужели Такалам все-таки нашел на Твадоре человека, способного предсказать дату затмения?»

– Ну и ладно, – надулся Осита. – Правду говорят, что тут люди совсем беседы вести не умеют. Зато какие у вас волосы мягкие! Каёси-танада от зависти умрет, когда узнает! Все, я закончил. Пойдемте в сад, господин вас очень ждет. Я заварю чай. Кстати, какой вы любите? Говорят, чай отражает характер человека!

Нико снова не ответил, погруженный в свои мысли.

– Тогда я заварю имбирный с медом, – тут же нашелся слуга. – Он хорошо согревает!

Они миновали анфиладу полутемных комнат и вышли на крыльцо, а оттуда спустились в яблоневый сад. Над головой сияло пойманное в паутину веток звездное небо, и казалось, что все вокруг – его прямое продолжение. Дорога была окутана маревом похожих на лодочки голубых светильников, качавшихся от ветра на каждом дереве. В «Сливовых Источниках», по словам Виё, тоже так делали, чтобы и ночью гости

могли вдоволь насладиться красотой цветущих слив.

На улице было холодно, изо рта даже шел пар, но Теплая долина оправдывала свое название: в то время как большая часть острова только-только отряхивалась от снега, здесь уже все бушевало, и древесные кроны превратились в сквозной бело-розовый балдахин.

«Может, мне просто снится то, что я хочу видеть? – размышлял Нико. – Зачем провидцу императора приезжать за мной, если я больше не наследник Террая? Он не знает, что в Соаху переворот? Тогда грош цена его способностям. Или он знает? Может, старик предупредил его и у Каёси есть другой план?»

Яблони продолжали расступаться, пока дорога не уперлась в блестящую полосу воды: сад выходил к озеру. Запахло сыростью, тиной и приторно сладкими цветами шиповника, облюбовавшего берег. Нико приготовился к худшему. В последнее время он не видел хороших снов, а теперь и этот норювил скатиться в Каландул. Принц ненавидел моря и озера. После испытания лжепрималя в нем засел животный страх перед глубокой водой.

– Уже почти все! – сказал Осита, обернувшись.

Земля под ногами стала мягче, и вскоре принц оказался на берегу, поросшем короткой, наверняка стриженной травой. Справа, под огромной яблоней, сидел в окружении все тех же мистических фонариков главный провидец императора. Лепестки падали на его волосы и одежду, но чело-

век не шевелился, будто медитировал. Он походил на чайнское блюдо – клетку, завернутую в листья краснокочанной, то бишь фиолетовой, капусты, посыпанную сусальным золотом. Шея провидца светилась от белизны – точь-в-точь тесто, а волосы, собранные в высокий, гладко зачесанный хвост, были аспидно-черными.

Каёси не встал, когда Осита крикнул, что уважаемый гость уже здесь, только чуть повернул голову.

«Паралитик, что ли?» – подумал принц, рассмотрев кресло вблизи: оно было с колесами.

Осита подбежал к господину, развернул его, и Нико увидел мальчишку младше себя. Болезненно-бледного, хрупкого, как чайнский фарфор, сверкающего каждой пядью роскошных, многослойных одежд, расшитых бисером, золотыми нитями и драгоценными камнями. Как клетки обрачивают луком-пореем, так и Каёси привязали к спинке несколькими шелковыми поясами. Он выглядел усталым и больным. Запавшие щеки, бескровные губы и темные круги под глазами стесали с его лица всю красоту. Должно быть, прежде он походил на тех смешных, большеглазых и румяных чайнских кукол, которых Ли-Холь присылал отцу в качестве подарков.

– Простите, что я не могу как следует поприветствовать вас, господин Нико, – сказал провидец на международном языке. – И простите за столь неподобающий, грубый прием. Меня зовут Кайоши, у моего слуги отвратительное произно-

шение, он постоянно коверкает мое имя. Я нижайше прошу прощения за парализатор. К сожалению, я не нашел другого выхода, кроме как использовать его.

«Подозрительный тип, – подумал Нико. – Такой молодой и уже провидец императора? Может, он подставной? Может, Тавар что-то узнал и теперь пытается вытащить из меня информацию через этого парня? А паралитиком он прикидывается, чтобы я не чувствовал угрозы...»

Нико схватил со стола нож и резким, быстрым движением приставил к животу провидца. Осита вскрикнул, выронив кусочек имбирного корня. Тут же из-за дальнего дерева выскочили два наемника, но Кайоши остановил их.

– Я велел вам не показываться! – жестко сказал он, и мужчины вернулись обратно в тень сада.

Теперь было ясно, кто остановил фургон с порченными и убил всех сопровождающих. Нико сунул нож Осите.

– На, стругай свой имбирь.

Клецка действительно был парализован. Его тело никак не отозвалось на угрозу. Даже если он предвидел это, невозможно было контролировать инстинкты. Мышцы пресса не сжались в попытке остановить лезвие, Кайоши не попытался закрыться, не отпрянул. Единственное, что заметил Нико, приложив палец к шее парня, – учащенный от страха пульс.

– У вас довольно странный способ знакомства, – заметил Кайоши. – Это соахская традиция – начинать беседу с попытки зарезать?

– Я хотел проверить, правда ли ты паралитик, – сказал Нико, перейдя на чаинский. – А то мало ли что у тебя на уме.

– Каёси-танада точно-точно парализованный! – тут же оживился Осита. – Я один раз даже пролил на него кипяток, а он и не заметил!

– Я очень прошу вас говорить на соахском, – сказал Кай-оши, на секунду прикрыв глаза и побледнев сильнее прежнего, хотя казалось, дальше уже некуда. – Осита невозможно болтлив и не держит за зубами ничего, начиная от риса и запахов изо рта и заканчивая всем, что увидел или услышал.

Видимо, паренек заметил в лице хозяина недобрые перемены и засуетился.

– Но я же теперь совсем хороший слуга, Каёси-танада! – воскликнул он, подбегая к провидцу. – Я даже научился вас расчесывать! Может, я и стричь вас научусь! А то у вас уже так сильно волосы отросли! Как они отросли так быстро? Когда мы уплывали, они были только до плеч, а теперь уже почти до пояса! А вы знаете, – Осита обратился к Нико, – что Каёси-танада уже несколько тридов совсем-совсем не стрижется? У него даже челка уже до груди! А он раньше каждый трид ее ровнял до бровей! А теперь он говорит, что на корабле нет человека, который подстрижет его достаточно ровно, да еще и качка мешает, и поэтому он совсем перестал стричься! Если однажды Каёси-танада мне позволит себя постричь, мое имя занесут в легенды! Вот каким хорошим слугой я собираюсь стать!

Говоря все это, Осита смахивал с господина яблоневые лепестки, а Кайоши сидел, не открывая глаз, и, только хорошенько присмотревшись, можно было увидеть, как на его щеке дергается гневная жилка.

Когда слуга высвободил руки провидца из муфты, чтобы отряхнуть и ее, Нико заметил странные татуировки, привлёкшие его, словно мед пчелу. Он оттолкнул болтливую паренюка и схватил Кайоши за запястье. Усохшее от неподвижности, холодное и тонкое, как у ребенка, оно впечатлило Нико больше, чем все слова Клецки, вместе взятые. От пальцев до предплечья бледную кожу парня покрывала тайнопись Такалама, а вчитавшись, Нико понял, что перед ним краткое содержание стариковского плана. Здесь была даже приписка о том, что его вывел Ри, на случай, если Такалам не успеет рассказать принцу о затмении.

– Разнеси тебя пеплом... – прошептал Нико. – Ты нашел меня. Значит, тебе известна дата.

– Золотой День, – заявил Кайоши. – Летнее солнцестояние. Пять часов вечера, если быть предельно точным. Я полагаю, вы уже поняли, кто я и какую роль играю во всем этом. Книга Такалама должна была по крайней мере намекнуть вам.

Яблоневый снег мерно таял в озере, пальцы ветра перебирали камыши, и временами где-то вдалеке кричали ночные птицы. Медленно. Очень медленно до принца доходило, что Кайоши – не плод воображения, а реальный человек.

– Эй! – Нико схватил его за плечи и пристально посмотрел в глаза. – Если ты здесь, значит, в будущем у нас все хорошо? Ты бы не проделал такой путь, если бы не увидел, что мы справимся!

От слов Клецки под ногами разверзлась пропасть, но, стоя на самом ее дне, принц понял, что наверху все еще виден свет. Это было похоже на благословение. На дождь посреди засухи. Нико стало страшно, что Кайоши растворится под его пальцами, как в хорошем сне, который прерывают в самую сладкую минуту.

– Господин Нико, разумеется, я ничего не чувствую, но боюсь, вы оставите на мне синяки, – заметил чайнец. – Что касается вашего вопроса, буду откровенен: я не имею ясного представления о том, как именно все закончится.

Сердце Нико рухнуло куда-то на дно Каландула.

– Что это значит? – спросил он, отстраняясь.

– Сны провидцев устроены таким образом, что мы не можем видеть дальше собственной смерти, – заявил Клецка. – В день затмения я развеюсь пеплом под черным солнцем, прежде чем узнаю, какое решение оно примет касательно Сеттерры. Со мной погибнут еще какие-то люди, но это не похоже на конец, описанный вашим учителем. Он говорил, что будет единая вспышка, которая уничтожит разом всех. Но я точно знаю, что вокруг меня останутся живые люди. Я полагаю, это можно расценивать как шанс.

– Сколько людей собралось вокруг тебя в день затме-

ния? – спросил Нико. – Много? Я их возглавлял?

– Я не видел ни лиц, ни силуэтов, – покачал головой Кайоши. – Вокруг была кромешная темнота. Я скорее чувствовал окружающих.

– И скольких ты чувствовал?

– Может, сотню... Думаю, я чувствовал около ста человек. Но не могу назвать имена или сказать, как они выглядят. Это важно? К сожалению, я не знаю подробностей плана вашего учителя, и эти знаки на моих руках мне непонятны. Я надеюсь, вы расскажете мне все в подробностях. Тогда я смогу соединить сны в правильную картину, и, возможно, это выстроит нам более четкое видение грядущего.

– Сотня... – повторил принц севшим голосом и долго молчал.

– Чай, чай, вкусный чаек готов, – напевал под нос Осита, разливая напиток.

Сразу запахло имбирем, и даже холодный ветер не перебил аромат целебного корня. Ветер шумел в кроне яблони, квакали в зарослях лягушки, шелестели камыши. Все казалось реальным и в то же время – мистическим. Клецка, похожий на привидение в ореоле света, блестящий и неподвижный, смотрел на принца, почти не мигая, словно гипнотизировал, и от этого становилось не по себе. В какой-нибудь пьесе он бы идеально сыграл роль духа судьбы, который спускается к людям, чтобы возвестить о смерти или страшных бедах. Возвестить без слов. Одними только глазами, огромны-

ми и бездонными, как адские пучины.

– Значит, так, – выдохнул Нико после мрачной паузы и сел в плетеное кресло. – Я вкратце расскажу тебе о плане, так что не перебивай меня и слушай внимательно. Повторять я не буду.

Кайоши спокойно кивнул. Нико боялся, что действие лекарств закончится и ему попросту сорвет крышу. К тому времени надо было оказаться как можно дальше отсюда, там, где нет людей. А Кайоши не отпустит принца без объяснений.

– Этот план Такалам и Ри задумали еще до нашего рождения, – сказал Нико, промочив горло чаем. – Согласно задумке монархи крупных стран в день последнего затмения возглавят шествия из порченных, прималей и обычных людей. Они обрядятся в белое, соберутся где-то на открытой местности и создадут светлые «солнца» в противовес черному. И когда начнется затмение, монархи поклянутся, что приняли чувства, и отныне порченным в их государствах не будет гонения. Вместе с ними их подданные и примали должны принести эту клятву. И тогда, может быть, затмение подарит Сетерре еще один шанс. Это в идеале. В реальности абсолютное большинство крупных стран не поддались уговорам Такалама. Есть только десяток мелких королевств и племен, которые поддержали идею старика. Почти все расположены в Нанумбе.

– Но Соаху, как я понимаю, стало исключением, – заметил Кайоши. – И это самое значимое государство мира. Значит,

вы должны возглавить шествие в Соаху.

Нико закусил губу.

– Я просил тебя не перебивать, – сказал он. – Изначально во главе плана стоял Чаин, а не Соаху. В ваших резервациях много порченных, они не разбросаны по стране, как в том же Судмире, так что и собрать их там легче. А еще вы уважаете прималей, и за счет этого у Такалама имелся неплохой шанс убедить императора. Про Соаху он тогда и не думал. И колдуны, и затменники у нас на плохом счету, а к властию нет доступа. Еще у вас лучшие в мире провидцы, а Такаламу с Ри требовалась точная дата затмения. И предскажи ее хоть один сын Дракона, это бы сильно повлияло на императора.

В глазах Клецки промелькнул живой блеск, и он снова не сдержался:

– Так вот в чем дело! Теперь я понимаю, зачем Такалам бывал в Чаине и почему хотел служить императору. Но он не остался на Твадоре, он отправился в Соаху...

– Потому что встретил моего отца, – прервал его Нико. – Седьмой тогда путешествовал вокруг света, это давняя традиция властиев. Такалам сумел понравиться моему отцу и, зная влияние Террая, решил, что, если план воплотить в Соаху, это повлечет глобальные изменения во всем мире. И шанс на спасение будет гораздо выше.

– Так в чем же... – Кайоши задумался, подбирая слова. – В чем трудность, господин Нико? Почему у вас такой обреченный вид? Переживаете, что мы не успеем в Соаху? Я прибыл

сюда на пароходе. Благодаря ему мы доберемся до Террая всего за два трида. Может, чуть дольше, но это не страшно. Нам хватит времени организовать шествие.

– Наверное, ты уплыл из Чаина раньше, чем террайские новости дошли туда, – вздохнул Нико и через силу продолжил: – В общем, я больше не наследник Соаху. Поверенный отца его предал, спелся с судмирским королем, и теперь на троне Восьмой. Ты прав, я был ключевой фигурой плана. Но без прежних условий, где я владею Соаху, задумка старика бесполезна. Особенно с учетом твоего последнего видения. Сто человек – это как плевков в жерло вулкана. И ты не видел меня во главе шествия. Значит, просто ничего не вышло. Может, в твоём сне было не последнее затмение. Может, это казнь. Кучку мятежников поймали и выставили под черное солнце, а остальные люди просто спрятались где-то, поэтому и не умерли.

Нико убрал с колен сунутое Оситой одеяло и поднялся.

– Спасибо, что спас меня и этих детей, Кайоши. И прости, что тебе пришлось плыть за мной аж сюда. Увы, мы уже ничего не сделаем.

– И вы просто уйдете? – возмутился Клецка. – Куда вы сбегаете в середине разговора? От кого вы бежите?

– От самого себя, – отозвался Нико.

Лекарства переставали действовать. Его накрывала паника.

– Пожалуйста, успокойтесь, – сказал Кайоши. – Выход

есть. Но он не лежит на поверхности. Сами собой всплывают лишь пустые плевела, а зерна опускаются на дно. Мы разрабатываем новую стратегию на основе старой. Задействуем все ресурсы. Ваши знания о Соаху, таланты прималей и порченных, мои видения и финансы. У нас все получится.

– Эй, сын Драконов... – обернулся к нему Нико. – Ты же не дурак. Ты должен понимать, что сто человек и принц, на которого будет охотиться весь Террай, никого не спасут. Мой народ меня даже не видел никогда. Они меня не знают. Какую там стратегию ты собрался разработать?

– Мы должны по крайней мере попытаться...

– Я никому ничего не должен, ясно?! Если проклятый старик хотел сделать меня своей фишкой на гобане, то это его проблемы! Если он такой умный, мог бы предугадать, что Седьмого убьют! А его обманули, как идиота, хотя он правдолюбец! И устроили переворот!

Нико сорвал голос от крика и судорожно дышал, сжимая спинку кресла.

– Нико, простите, я сейчас скажу очень жестокую вещь, – произнес Кайоши. – Я думаю, Такалам знал о том, что часть людей давно не верна вашему отцу. Я думаю, он *позволил* этому перевороту случиться. По закону Соаху новая династия начинает свой отсчет, если погибли все наследники предыдущей, а вы пока живы. Позволив убить вашего отца, Такалам сделал вас официальным властием. Стоит только объявить народу о вашем существовании, и вы станете Седь-

мым. Ваш отец не подходил на роль человека для шествия, поэтому его убили, освободив трон для вас. И с тех пор как вы покинули дворец, Ри не оставлял вас без присмотра. Он всегда следовал за вами и защищал.

Принц рассмеялся, скинул куртку и поднял рубашку, оголяя торс.

– Смотри! – сказал он. – Посмотри на эту кучу шрамов! Это так он меня защищал, да? Он бросил меня после того, как случился переворот! Я тогда был на Таосе! Ри довел меня до Таоса, а потом бросил! И я чуть не сдох на дне Каландула! Где тогда был твой Ри?

– Вероятно, наблюдал за тем, как вас спасает Чинуш, – спокойно заявил Кайоши. – У него была очень весома причина ждать до последнего и не помогать вам. Он боялся, что Драконы заметят его вмешательство. Я думаю, он проявил бы себя, попытайся Чинуш вас зарезать.

– Вот уж не ври! – Нико взъерошил кудри и стал нервно расхаживать из стороны в сторону. – Боялся он! Да что ж он раньше так не боялся? Он много раз себя проявлял до этого! С чего вдруг такая осторожность?

– Это из-за Цуны, – сказал Кайоши, и принц остановился. – Цуне грозила большая беда на Таосе. Островитяне хотели убить ее, поэтому Ри создал из воды большую акулу и припугнул их. Цуна теперь хозяйка Таоса благодаря ему. Но этот поступок стал для Ри катастрофой, потому что Драконы его заметили. Они отправили за ним других существ, по-

добных Ри, чтобы те его убили. Ри некоторое время спасало только то, что он никак не проявлял себя. Поэтому он до последнего не вмешивался в вашу судьбу, Нико.

– Так он... – Глаза принца расширились. – Он до сих пор...

– Нет, он мертв, – отрезал Кайоши. – Ри умер несколько тридов назад, на Валааре. Недалеко от Каландула.

– Из-за чего?

– Из-за кого, – поправил Клецка. – Этого парня зовут Астре. Он безногий калека с большим талантом прималая. И он взрослый, что очень удивительно. Насколько я знаю, калеки по всему миру не доживают до его возраста. Этого парня я видел во многих видениях. Я даже потерял тело из-за того, что спасал его. Я думаю, он очень важная фигура нашего плана, господин Нико. И я смею полагать, мои видения строились уже с расчетом на то, что в Соаху случился переворот. А я не узнал о нем из видений для того, чтобы не отказаться от встречи с вами. Астре скоро прибудет сюда, и те порченые, с которыми вас привезли, – это его семья. Не родная, но все же. Ри погиб на мельнице, когда спасал Астре и этих детей. Он не мог допустить, чтобы порченный погиб. И этот поступок привлек других посланников, как я их называю. Существ, отправленных на Сетерру Драконами. Они уничтожили Ри и передали наш план черному солнцу.

– И оно выбрало дату, – шокированно сказал принц. – Солнцестояние, да? Пик силы Белого Дракона... Я неплохо

знаю вашу мифологию. Считается, что в Золотой День Светлый Близнец наполняется колоссальной энергией. И если в это время он выпустит брата на волю, а тот станет маской гнева, ему хватит сил уничтожить всех людей за одну вспышку. Иначе затмение наступило бы в свое обычное время, десятого числа. А в твоём видении оно появится девятого, на сутки раньше, в обычный день...

Кайоши долгое время молчал, и принц посмотрел на него. Парень сидел, уронив голову на грудь, и Нико успел испугаться, что он умер, но, судя по пульсу, Клецка просто спал.

– Ох! – воскликнул Осита, стаскивая с кресла одеяло и кутая господина. – Каёси-танада наконец-то уснул! Наконец-то! Он целый узел не спал! Просто глаз не смыкал! Целый узел! Я уже боялся, что он от этого дух испустит! Или станет совсем-совсем сумасшедший!

И он покатил Кайоши обратно в дом, ворча, что господа целый час трещали на тарабарском языке, которого ему, Осите, сроду не понять. И что надо уважать его любовь к сплетням, в конце-то концов!

Глава 2

Мошка в паутине

Валаарий отказался от легенд о затмении, сочтя их глупыми суевериями, но Большая Коса помнит и будет помнить древние мифы. До тех пор, пока не перестанут рождаться порченые. До тех пор, пока не сгинут все до одного скитальцы-примали.

Выдумки островитян очень разнообразны и часто противоречат друг другу. Одних и тех же героев называют множеством имен, а их происхождение – тайна, присыпанная блестками фантазий. Я решил не вдаваться в анализ всего услышанного и прочитанного, потому запишу только ту легенду, которая наиболее

полно объясняет поступки жителей архипелага в отношении порченых и прималей. Вначале я не понимал, что именно толкает островитян сбрасывать детей в пропасть. Но теперь, спустя несколько тридов, нашел ответ.

Говорят, жертвенные места – валаарское ущелье, гнилое озеро на Куве, белый лес на Срединном, угольная скала на Улуне, холодные пещеры на Пепельном и пустоши Варло – появились в одно время. Через десять лет после того, как на планету опустилось проклятие Цели.

Создал эти места Ивва – величайший прималь Большой Косы – прародитель всех колдунов Сетерры. Он один не побоялся пойти против черного солнца в попытке облегчить людское бремя. По слухам, изначально не было возможности избавиться от ребенка с Целью, и семьи обязывали мучиться с ним всю жизнь. Но Ивва не согласился с таким положением дел. Так же как затмение берет силу у неба и огня, прималь брал силу у земли и воды. Он был столь могущественным и мудрым, что сумел объяснить черному солнцу: люди отбросили бесполезную шелуху, дабы сохранить себя, ибо прежнее богатство Сетерры, плодородие земель, тепло и благодать с годами иссякли и человеческий род начал угасать.

Ивва уговорил затмение смягчить проклятие, сократив его до десяти лет. И в день, когда закончилось время наказания первой грешной пары, он сотворил жертвенные места, где можно было сбросить бремя

совести, страха и остальных Целей.

Последователи Иввы до сих пор ходят по селениям Большой Косы, дабы помочь семьям, воспитавшим порченых. Их сила крошечна, ибо ради людей Ивва развеялся прахом, чтобы распасться на множество частей и наделить сотни скитальцев своим колдовством. Чем больше прималей носит Сетерра, тем слабее они становятся, разделяя меж собой дар прародителя. Но до сих пор встречаются те, кто способен творить отголоски стихийной магии Иввы. Их слушают вода и ветер, им подчиняются мертвые и болезненные души.

(Из книги «Легенды затмения» отшельника Такалама)

* * *

Архипелаг Большая Коса, о-в Валаар, Теплая долина, 4-й трид 1020 г. от р. ч. с.

Страх пульсировал в каждой капле мелкого, морозящего дождя. Блестел водяными бусами на ветках, голубым ореолом расходился от фонариков, похожих на хрустальные лодочки.

– Зехма, стой! – шепнула Сиина. – Тут что-то не так... Мне кажется, я чувствую человека, и от него что-то не очень хорошее исходит.

Она провела пальцами по мокрому стволу яблони и за-

крыла глаза.

Тревога пряталась где-то здесь, среди предрассветной тишины. Она еще не обладала своей особенной вибрацией и оттенком боли, присущим только ей. Этот новорожденный страх бился едва заметно, как крошечное сердце, и порченная легко могла бы его упустить. Но за последний трид она стала внимательней и сделала Цель своим оружием.

– Чуй не чуй, а в такой мгле и медведя не увидишь, – проворчал Зехма. – Вон оно как застило к рассвету ближе. От сырости да от холода. Весь туман сюда стекся. Потому как долина тут. Вот и стекся.

– Тебе не показалось? – тихо спросил Астре, вынырнув из куля. – Я никого рядом не чувствую.

– Страх очень маленький, но не ложный, – ответила Сиина, пристально глядя по сторонам. – Помолчи-ка. И ты, Зехма, хватит носом шмыгать. Я пытаюсь понять, с какой стороны...

Кругом застыла голубая дымка. Деревья были старые и высокие, отчего казалось, что на их кроны опустились облака. Цель ворочалась под ребрами, не обретая форму, и это не давало Сиине покоя. Она не заметила ни подвижных теней, ни силуэтов на дороге, Астре тоже никого не уловил, но страх в груди все так же трепетал.

– Странно, – шепнула порченная, пройдя еще немного вперед. – Какая-то призрачная тревога. Будто не напрямую ударит, а только заденет... Или даже мимо проскочит. Нет, не

так... Не могу объяснить.

– Ты не волнуйся, ладно? – сказал Астре. – Если кто-то окажется близко, я замечу.

– Стало быть, коряга какая грохнется, потому и заденет, – проговорил Зехма, задрав голову и глядя на град сорванных дождем лепестков. – Потому как задевать нас тут больше нечему, а если нечему, то яблоня вон и грохнется. Может, вон та, старая грохнется. У ней ствол уже как мочалка и ветки полуголые, а все цветет из последних сил. Как бабка под дырявой шалью стоит. Кто пнет – и упадет она. Вот и заденет.

Сиина плотнее надвинула капюшон и поежилась от холода. Дождь усилился, но тумана было все еще много.

– Ладно, идемте, – сказала она, выпуская изо рта облачка пара. – Вроде как дом уже близко.

Зехма крикнул и поправил брезентовый куль.

– А я все равно говорю, что дурак этот ваш Калоша. Только дурак станет порченных в такое место звать, где на каждом шагу фонари светят. Светят и светят. И морды наши видать, и все видать как днем. Ночью как днем видать. Что ночь, что день. Стало быть, разницы нет никакой и прятаться негде. Значит, дурак он.

– Не Калоша, а Кайоши, – поправил охотника Астре. – Нам и не надо прятаться. Он сказал, что тут будут только его люди. Может, просто они нас не сразу узнают... В любом случае здесь безопасней, чем в городе или в порту.

– А чего фонарей столько навешал, не дурак если?

– Тише вы! – шикнула Сиина. – Мне все равно кажется, тут где-то человек.

– Никого не чувствую, – сказал Астре спустя минуту напряженного молчания. – Но я далеко от тела уйти не могу.

– Подождите...

Все трое замерли под морозящим дождем, и Сиина вновь обратилась к Цели. Иногда волны тревоги становились такими отчетливыми, что к ним хотелось прикоснуться, но тут же все затихало. Порченная прошла еще немного, выставив перед собой ладонь, и наконец поняла, что это за странное чувство. Словно она задела край паутины, а где-то на другом ее конце билась мошка.

– Там! – выдохнула Сиина и, приподняв подол вязаного платья, бросилась сквозь кусты шиповника прочь от дороги.

– Эй, дурная девка! – шикнул ей в спину Зехма. – Куда побежала? Сказала же, что нас только заденет, а сама напрямую бежит! Вот бестолковка!

Но Сиина не стала игнорировать Цель. Раньше она отгораживалась от нее, как от болезни, и в итоге подставила всю семью. В день, когда Генхард привел головорезов, Сиина могла бы увести всех из дома еще утром. Но тогда она не умела отличать ложную тревогу от настоящей, понадеялась, что все обойдется, и вот к чему это привело.

Девушка бежала вперед без раздумий. Да, их почти не заденет, но кому-то другому «яблоня» упадет прямо на голову. Порченная знала, что страх ведет ее к человеку, попавшему в

беду, и неслась во всю прыть, давя подошвами ботинок мокрую траву и поникшие без солнца колокольчики.

Туман мешал смотреть, но зрение по большей части было и не нужно. Сиина двигалась навстречу тревожным всплескам, с которыми резонировал ее новорожденный страх. Она не боялась, что Астре и Зехма потеряют ее: чужого человека брат мог не заметить, но дух Сиины благодаря привязанности ощущал на большем расстоянии.

«Здесь. Где-то здесь», – думала порченая, озираясь по сторонам, пока не увидела большое дерево, под которым сидел, схватившись за бедро, босой, синюшно-бледный парень в одних только замызганных штанах. Его будто подняли с кровати и бросили в этом саду.

Сиина с опаской приблизилась. Курчавые волосы закрывали парню лицо. Он тяжело дышал, а вены на лбу и шее вздулись. Кожа блестела не то от дождя и тумана, не от лихорадочного пота. Дыхание больше походило на хрип.

– Эй! – Сиина упала на колени рядом с незнакомцем, и в ту же секунду у ее горла оказался нож.

Занавешенные кудрями лисьи глаза, полные злобы загнанного зверя, пронзили порченную, но, разглядев ее, остыли, и в следующий миг рука с оружием безвольно упала в траву.

– Ты как? – спросила Сиина, отнимая вторую ладонь парня от вспоротой штанины.

Там был небольшой порез. Кожа вокруг него опухла и потемнела. Кажется, яд.

– Порченная, что ли? – шепнул парень. – Твой брат Астре? Это Кайоши вас сюда позвал?

– Да, – быстро сказала Сиина, схватила нож и взялась разрезать плотную ткань возле раны.

– Окаянная девка! – тихо выругался Зехма, пробираясь к ним через кусты. – И от дождя я теперь мокрый, и от пота мокрый. И внутри, и снаружи. Дурная девка.

– Тише! – шикнул парень, глянув на охотника исподлобья. – Проваливайте отсюда, и поживее! Руки в ноги и вали-те! Здесь опасно! М-м-м... Ай... Вот же проклятье...

Парень ударился затылком о ствол, а Сиина выплюнула первую порцию черной дряни, в которую превратилась кровь, и снова припала к набухшему порезу. Кожа была горькой и пахла чем-то острым, неприятным. Может, такой способ тут и не годился, но другого Сиина не знала. Иремил говорил, что яд змей нужно высасывать и выплевывать. Так она и делала, не теряя времени.

Долгую минуту Астре молчал, а потом выдохнул только одно слово:

– Нико...

Сиина даже отвлеклась, чтобы посмотреть на брата. Он выглядывал из-за плеча Зехмы, и глаза у него были словно стеклянные.

– Кто это? – напряглась порченная. – Ты его знаешь?

– Помоги ему, – быстро сказал калека. – Остальное потом.

– Да бесполезно, – прохрипел парень. – Уходите отсюда.

Кайоши рехнулся. Он опасен. Мы вчера только нормально разговаривали, а среди ночи он приказал меня убить.

– С ногой чего? – спросил Зехма. – Идти можешь? Потому как если не можешь, то и не пойдешь никуда.

– Не могу я ходить, – процедил сквозь зубы Нико. – Меня резануло метательной звездой с какой-то отравой. Нога уже онемела, скоро по всему телу разойдется. Уходите, у людей Кайоши полно этой дряни. Здесь все равно без противоядия не обойтись. Наемники на каждом шагу, я только из-за тумана смог от них оторваться, так что говорите потише.

Сиина быстро расплела косу, разрежала ленту ножом парня и взялась туго перевязывать ногу, чтобы замедлить ток крови.

– У наемников есть противоядие? – спросил Астре.

– Уф. – Нико прислонил голову к стволу и закрыл глаза, морщась от боли. – Есть конечно. Но как ты их заставишь отдать? Топором угрожать будешь? Я знаю, что у тебя дар управлять, но они все старше тебя, и ты по-чаински не говоришь.

– За нас не беспокойся, – отозвалась порченая, рыща по траве. Она нашла подходящий камень, обернула листом молодого лопуха и приложила к ране. – Я беды не чувствую. Хорошо, что холодно. Яд быстро не разойдется. Старайся не двигаться.

– Сиина, ты остаешься здесь и защищаешь его, – неожиданно приказал калека. – Мы с Зехмой идем в дом. Кайоши

младше меня, я заставлю его отозвать солдат, и мы раздобудем противоядие. В какую сторону идти, Нико?

Сиина удивленно обернулась. Она не возражала, но в другое время брат бы замешкался, попытался все обдумать, чтобы не оставлять ее здесь одну.

– Дом недалеко отсюда. На северо-западе, – ответил Нико, повинуясь приказу. – По главной дороге быстро найдешь, но там лучше не ходить. Остроухи могут вас перепутать со мной из-за тумана.

– Эй, осторожней будьте! – предупредила Сиина. – Не нарывайтесь на посторонних!

Нико хотел что-то возразить, но Астре запретил.

– Сдурел ты, культяпка? – возмутился охотник. – Бестолковку одну оставим, что ли? Я твоего кудрявого знать не знаю! С чего мне к этой Калоше бежать из-за него?

– Зехма! – вспыхнула Сиина. – Он умирает! Давай живо к дому! Я тут сама справлюсь, получше вас обоих! Даже если придет кто!

Когда охотник с Астре на горбу скрылся в тумане, Нико закатил глаза.

– Вы, порченые, просто долбанутые на всю голову! – выдал он. – Зачем они к нему пошли? Моего примера мало?

– Что случилось? – спросила Сиина, меняя нагретый камень на холодный. – Почему Кайоши хочет тебя убить? Ты ему что-то сделал?

– Уф, – снова выдохнул Нико. – Да вот знать бы, что я

ему сделал. Он просто на голову больной. Я бы так и сдох во сне, но меня его слуга предупредил. Кажется, это не первый раз, когда Кайюши так занесло... – Парень замер, прислушиваясь, и снова ударился затылком о ствол. – Вот же пепел... Они уже здесь.

Сиина обернулась на шум и увидела невдалеке узкоглазого человека с обритой головой. Он что-то коротко крикнул и вытащил из крепления на поясе длинную спицу. Тут же из тумана один за другим вынырнули еще четверо наемников, и они явно не собирались поить раненого противоядием.

– Беги! – приказал Нико.

Но белобрысяя дура, увидев пятерых вооруженных мужчин, встала на колени перед принцем, расставила руки в стороны и закрыла его собой.

Нико застонал не столько от боли, сколько от отчаяния. Это же порченая, в конце концов, чего он от нее хотел?

На удивление, остроухи не собирались ее ранить. Ни одна спица не полетела в девушку. Вместо этого наемники стали приближаться. Наверняка с целью оттащить порченую от своей жертвы.

– Лучше не подходите, – сказала она. – Лучше стойте там!

– Они тебя не понимают...

Огненная боль разошлась по всей ноге и отдавала в голову. Нико не мог пошевелиться, не то что взять нож. Молодой остроух осмелел и побежал к ним, и тут случилось странное.

Словно воздушный удар прошел сквозь Нико.

– Я же сказала не подходить! – выпалила Сиина. – Я не хочу делать вам больно!

Остроух упал в мокрую траву, как срезанный стебель. Но остальные не попятнулись, а продолжили наступать. Один все-таки достал иглу.

– Вот же дурные! – отчаянно выкрикнула девушка. – Я предупреждала!

И снова Нико почувствовал воздушный удар.

После него остался только дождь, голубой свет фонарей, запах сырости, деревья в балдахине лепестков и пять неподвижных силуэтов, распростертых на земле.

– Ох, – всхлипнула порченная, хватаясь за грудь. – Ну не хотела же! Не хотела! Чего они полезли?

– Ты что с ними сделала? – спросил Нико, с трудом держась в сознании. – Ты их убила?

– С ума сошел?! – Девушка гневно зыркнула на него. – Просто напугала. Они теперь какое-то время будут без сознания.

– Ну ты даешь, – выдал принц. – Уфф... Слушай...

– Помолчи! – вспыхнула порченная. – И не шевелись, что ты крутишься, как червяк? Яд разойдется!

– Да послушай меня, дура!

В глазах уже мутнело. Нико с самого начала знал, что Астре не успеет и что жить осталось от силы минут десять. Но калека даже слова лишнего не дал сказать. Теперь еще эта

девчонка истерит.

– Слушай, есть разговор... – пробормотал Нико, теряя сознание.

Казалось, прошло не больше секунды.

– А ну не спать! – Сиина с размаху дала принцу пощечину. – Я сказала: не спать!

У нее в руках блестела целая куча стекляшек. Наверное, успела выпотрошить карманы остроухов.

– Ты что делаешь? – слабым голосом спросил принц, когда Сиина поднесла к его губам флакон и тут же выбросила. – Ты не знаешь, где нужно противоядие...

Нико хотелось просто отключиться, чтобы не чувствовать боли, но он должен был рассказать о порченных.

– Слушай, здесь твоя семья. Иди лучше к ним. Они... М-м-м... Они в доме. В той комнате, наверное, окно нараспашку до сих пор. Я его открытым оставил, когда сбежал.

– Я знаю, что они здесь, – сухо сказала Сиина. – Кайюши обещал их найти.

– Да что ты делаешь? – повторил Нико, когда она швырнула прочь еще одну бутылочку.

– Проверяю, – сказала девушка, выплюнув пробку. – Я поняла, как найти нужный. Если я чувствую страх, значит, эта штука тебе не поможет. Я сейчас, держись.

И она продолжила подносить к губам Нико остальные пузырьки. Принц уже почти отключился, когда зашелся кашлем от горькой жидкости, стекшей по горлу.

– Не плюйся, глотай! – скомандовала порченная и опрокинула ему в рот вторую пробирку.

– Ты вообще уверена, что я от этого не сдохну? – скривился принц, ощутив тошноту.

– Теперь не сдохнешь.

Сиина отвернулась, легла на траву и скорчилась, притянув колени к груди. Кажется, ей было больно.

– Ты как? – прохрипел Нико.

– Ничего... – тихо проговорила девушка. – Так мне и надо. Это Цель меня наказывает. Мне всегда плохо, если я людей обижаю. Ничего... я отойду...

Сиине было так дурно, что она могла только лежать, содрогаясь всем телом и выпуская изо рта пар. Нико не мог ей помочь, он и сам напоминал живой труп, прислоненный к дереву.

– Они... в порядке? – спросила Сиина. – Они... Они все живы?

Хотелось соврать, но почему-то не вышло.

– Илан, – сипло проговорил Нико. – Илан мертв. Мне жаль. Остальные в норме.

Порченная с минуту лежала неподвижно, потом села и скинула капюшон, явив Нико худое лицо с розовыми, как яблочная пастила, шрамами и распущенные волосы, доходившие до бедер. Они все еще сохранили следы недавней прически и слабо вились. Глаза у девушки были совершенно голубые, цвета озерного льда. А может, так казалось из-за фонариков.

Нико разглядывал ее с тревогой, но она только молча размазывала шарф.

– Почему ты не идешь к семье? – спросил принц, когда порченная укутала его.

– Я пока побуду здесь, – сказала Сиина, не глядя на Нико, и снова накинула капюшон. – Нельзя тебя оставлять, пока наемникам приказ не изменили. Страха сильного нет, значит, все наши в порядке. И Астре уже там. Он их почувствует. Я тебя поохраняю, так что давай, отходи от этой гадости. Как ты? Замерз, да? Я пока боюсь тебя сильно укрывать. Вдруг это навредит.

Нико чувствовал себя лучше. Боль в бедре уже не так пульсировала.

– Все нормально, – отозвался он.

Порченная встала и, едва держась на ногах, побрела к распластавшимся невдалеке наемникам, чтобы перевернуть их на спину.

Она так и не заплакала.

Нико помнил Цуну и Яни, смелость которых, после того как опасность уходила, непременно выливалась в слезы, и ждал того же от Сиины. Но, узнав об Илане, она позволила себе только минуту молчаливого отчаяния.

Глава 3

Маска змея

Считается, что Белый Бог наделяет избранных людей великим даром ясного ума – талантом провидения.

Черный же Близнец помогает своим подопечным заглянуть в прошлое и создает прималей, которым доступны недра памяти. Предсказатели живут по всему Чаину, в уединенных монастырях и храмах, сокрытых от шума больших городов. Примали в основном привязаны к библиотекам и научным дворам.

Сны тех и других тщательно изучают и записывают. Одни видения предназначены живущим

ныне, иные принадлежат умершим и хранятся в исторических архивах. Притом, надо сказать, сны прималей почти не используют в качестве реального источника знаний. Порой их невероятно искажают, дабы удержать в рамках Драконьей религии, и это, по моему, несусветная глупость.

Мифология Чаина и Шанвы, несмотря на то что эти два государства издавна не могут поделить Твадор, очень схожа и отличается только мелкими деталями. Например, в Шанве вместо фиолетового и золотого Драконьими цветами считаются серый и голубой, поэтому тамошние примали носят серебристую одежду, символизирующую седину, мудрость и пепел.

(Из книги «Легенды затмения» отшельника Такалама)

* * *

Под утро у Кайюши замерзло лицо. Он открыл глаза и увидел, что за окном падает снег. Такие огромные хлопья, как перья белой птицы. Хиери называла их по-дурацки – хлбпушками. Глупая Хиери. Глупые девчонки. Вечно они портят слова. Хлопушки, цветочки. Ну и гадость.

Кайюши откинул одеяло и подбежал к окну. Куда мама дела табурет? Без него не видно. Пришлось искать по шкафам, но и там не оказалось. Тогда Кайюши сложил футон² в

² *Футон* – толстый хлопчатобумажный матрац для сна на полу.

несколько слоев, а сверху пристроил подушку и взобрался на мягкий постельный айсберг. Стоя на цыпочках, он сумел заглянуть за подоконник и ахнул: все кругом белое! Белое-белое, как лукум в крахмале! Как будто кто-то всю ночь убирался во дворе.

Дверное полотно сдвинулось, и в комнату вошла мама.

– Кайоши, дорогой, не стой возле окна, ты простынешь!

– Я сам знаю, когда простыну, а когда нет, – огрызнулся маленький провидец. – Куда ты убрала мой табурет? Мне неудобно!

– Ах, ты же сказал вчера, что он грязный. Твои белые носочки испачкались, когда ты стоял на нем. Вот я и решила его помыть. Он сохнет на веранде.

Кайоши надулся и продолжил смотреть на снег. Кто-то уже испортил его следами. Наверное, мама. Испортила все волшебство.

– Посмотри, что я тебе принесла! – сказала она. – Посмотри, Кайоши! Это подарок! Папа вчера привез тебе из Пичита! Только посмотри, какая красивая шубка! Она из викуньи! Очень дорогая и мягкая! А какая легонькая! Ты наденешь и не заметишь!

– Что такое викунья? – заинтересовался Кайоши и посмотрел, как мама шупает оранжевую шерсть.

– Это такое животное с востока, – ответила она. – Идем примерим.

– Цвет какой-то дурацкий, – нахмурился мальчик. – Я хо-

чу красную викунью. Или, может, зеленую, как трава.

– Таких не бывает, – рассмеялась мама. – Ну, идем, я хочу посмотреть, как она на тебе сидит.

Кайоши нехотя подошел. Шуба и правда была очень мягкая и теплая. Не успел он ее надеть, как стало жарко.

– Только посмотри, какой ты красивый! – восхитилась мама и подалась вперед, чтобы обнять Кайоши.

– Не делай так, я же тебя просил, – нахмурился мальчик. – Я не люблю, когда ты меня трогаешь.

Глаза мамы стали виноватыми и грустными.

– Ну, – сказала она, тут же взбодрившись, – что ты хочешь на завтрак?

– Хочу то, что похоже на снег. Лукум или рисовые шарики в сахаре. И принеси мой табурет!

– Хорошо-хорошо.

Мама ушла, забрав шелковый платок, в который была завернута шуба из викуньи. Кайоши прошелся по комнате в одну сторону, в другую и увидел, что дверь чуть-чуть сдвинута.

– Хватит подглядывать, Хиери! – сказал он. – Раз хочешь посмотреть, зайди и поздоровайся. Папа тебя отшлепает, если будешь стоять под дверями, как сплетница.

Сестра сдвинула створку и показала Кайоши язык. Тот показал в ответ.

– Смотри, у меня есть шуба из викуньи, – похвастался он. – Ужасно дорогая. А тебе такую не купят.

– Ну и ладно! – фыркнула сестра. – Мне и не надо этой твоей викуньи! Тебя все равно скоро в храм продадут! Вот и откупаются дорогими подарками!

– Они просто меня больше любят! – выпалил Кайюши, хотя знал, что это неправда.

– Они *меня* больше любят! – заявила Хиери. – Они тебя вырастят, как свинку, и продадут подороже! И до конца жизни будут получать от тебя восьмую часть всех денег, которые ты зарабатываешь! А потом на эти деньги соберут мне богатое приданое! И мне нарисуют столько уникоми, что они будут по всему Чаину! Во всех магазинах! И у меня будет самый богатый и красивый жених на свете! А ты будешь жить в своем храме, состаришься там и умрешь!

Хиери громко хлопнула дверью и опять пошла выть в свой угол. Она всегда так делала, когда папа при возил Кайюши дорогие подарки. Маленький провидец еще раз прошелся по комнате. В одну сторону, потом в другую. Он не заметил, что, когда сестра открыла дверь, на пороге стоял еще один человек: он сам через одиннадцать лет.

Взрослый Кайюши сидел возле Хиери. Интересно, она обрадовалась, когда на второй год жизни в храме он отправил ей шубу из белой викуньи, в три раза дороже той, что купил ему отец? В храм не присылали письма из дома. Провидцы не должны были знать, что происходит с родными. Волнение могло помешать их работе. У Кайюши остался только один способ общаться с семьей: каждый трид он отправлял

им деньги и подарки, а они принимали.

На празднике в честь именин Ли-Холя он мельком услышал, как говорят о семье Сидзуо, причисляя ее к самым богатым семьям Падура. Редко случалось, что разорившиеся аристократы возвращали, а то и превосходили бывшее величие. Без подарка самих Драконов подобное никогда бы не случилось. Обсуждая это, сплетники открыто паялились на Кайоши, и он посчитал оскорбительным вступать с ними в диалог. Раньше он тоже носил фамилию Сидзуо, но потом храм отсек ее, показывая, что провидец не принадлежит родителям. Такая участь постигала всех, кого продавали в услужение, будь то храм, театр или бордель.

Кто-нибудь вроде Доо с Ясурамой взорвался бы, узнав, что великий провидец императора втайне просматривает большинство униками, прежде чем они попадут к ним в руки. Кайоши просто хотел узнать, какой стала его сестра. Она должна была вырасти красавицей, похожей на маму. Но он так и не нашел Хиери среди рисованных девушек. Может, свадебные униками с ней распродали до того, как они попали в храм. Конечно, она ведь богатая невеста. Наверное, ни одной лишней таблички не осталось. Так подумал Кайоши и в год, когда Хиери минуло семнадцать и она уже точно должна была выйти замуж, потерял интерес к униками.

Он очнулся от мыслей и увидел, что сестра куда-то ушла, поэтому снова заглянул в свою комнату. Маленький провидец уже не гулял по ней в новой шубе. За окнами было тем-

но. Снег растаял, а на ветках яблони набухали розовые соцветия. Кайоши плакал, завернувшись в одеяло с головой. Ему приснился плохой сон, которому предстояло сбыться. Юноша присел на футон и слушал, как мальчик всхлипывает под одеялом, но Кайоши плакал недолго. Он поднялся, вытер щеки и вышел за дверь, чтобы минуту спустя постучаться в отцовский кабинет. За тонкой перегородкой, желтой от света лампы, слышался неразборчивый шепот.

– Кто там так поздно? – спросил отец.

– Это я, – ответил Кайоши.

– Входи.

Папа казался мальчику строгим и очень сильным. Взрослый же провидец обнаружил в комнате худого, усталого, вечно раздраженного бумажной работой человека. Папа работал секретарем в Монетном Доме и часто приносил старые книги, чтобы переписать их и получить немного денег сверх того, что ему давали за стопки испещренных чернилами листов с именами должников и заявлений. Из-за этого он не спал ночами и постоянно щурился, и его красивое лицо рано покрылось морщинами.

– Что ты хотел, Кайоши? Тебе давно пора спать.

– Мне нужен твой совет, – сказал маленький провидец, садясь возле стола. – Папа, как мне стать сильным, чтобы другие люди меня не обижали?

Отец отложил кисть и долго смотрел на сына.

– Давай поставим вопрос иначе, – сказал он. – Спроси ме-

ня, как сделать так, чтобы другие люди *не хотели* тебя обижать. Чтобы им это стало *неинтересно*.

– Как, папа?

– Очень просто. Плачь, радуйся и злись только внутри себя, Кайоши. Твое лицо не должно отражать то, что происходит внутри тебя. Преврати его в стену. Не реагируй ни на обидные слова, ни на злые поступки. Если у тебя нет эмоций, значит, нет и слабостей. И тебя нельзя поддеть, потому что причины твоих огорчений останутся скрыты от врагов. Вот как ты можешь стать сильным.

– Хорошо, – сказал Кайоши, поднимаясь. – Спасибо, папа. Доброй ночи.

И он выбежал из комнаты, а взрослый провидец задержался на пороге, чтобы еще раз посмотреть на отца.

– Ты был прав, – сказал он. – Это стало моей религией.

И неслышной тенью последовал за маленьким собой по темному коридору с расписными стенами.

Кайоши уже сдвинул створку и вошел в очередной зал. Здесь пахло пионами и дождем.

– Я слышал, что вы ни с кем не разговариваете, – слышался хрипловатый голос настоятеля.

Тем летом он как-то умудрился простыть и долго этому удивлялся. Болезнь скоро ушла, но хрипота в голосе еще некоторое время напоминала о кашле. Мальчик вошел и увидел, что старик Цу-Дхо сидит возле низкого столика и разливает чай на двоих. За окнами было светло из-за фона-

рей, поэтому настоятель не стал зажигать лампы. Кайоши аккуратно сел на циновку напротив него и подвинул к себе пилу.

– В этом какая-то проблема? – спросил он. – В том, что я не разговариваю? Мне кажется, стоит вызывать на личную беседу тех, кто чересчур много болтает, а не тех, кто соблюдает тишину.

– Вы говорите, как престарелый брюзга, – улыбнулся старик. – И это в неполных семь лет. Ваш ход мыслей не перестает меня удивлять. Я слышал, вы сегодня отказались от обеда. Вот, это для вас.

Он достал с подноса под столиком чашку и положил сверху палочки.

Кайоши уставился на еду и смотрел, не мигая, целую минуту.

– О-о, простите-простите, – рассмеялся Цу-Дхо. – Вы не найдете там ни сокровищ, ни деликатесов, даже если будете смотреть всю ночь. Это всего лишь жареный рис и ломтики лосося.

– Я просто смотрю, нет ли там червей, – грустно сказал взрослый Кайоши. – В тот день они подложили червей в мой обед. Вы помните, Цу-Дхо, как наш сад кишел червями во время сезона дождей? Я тогда частенько ужинал в этой комнате.

– Ну как, вкусно? – спросил настоятель.

– Сойдет, – отозвался Кайоши, прикрывая рот ладонью, и

торопливо опустил ее, чтобы поправить сползший до локтя рукав.

– Вы все-таки большой аккуратист, – заметил настоятель. – Здесь вас никто не видит, ешьте спокойно. Можете даже измазаться рисом по самые уши.

– Я прячу от вас синяки, – сказал взрослый провидец. – Все мое тело было тогда в синяках. Они щипали меня там, где одежда скрывала следы их преступлений. Вы не знали, Цу-Дхо? Или делали вид, что не знаете?

– Почему бы вам не подружиться с кем-нибудь, Кайоши?

– Потому что дружить можно только с равными по статусу, – отозвался мальчик. – Здесь таких нет. И никогда не будет.

– Вы не слишком высоко себя оценили? – повел бровью настоятель.

– Нет, – решительно сказал юный провидец. – Друзья не завидуют друг другу. А мне всегда будут завидовать. Так что я как-нибудь обойдусь.

– Что ж, тогда могу я стать вашим другом? – спросил Цу-Дхо. – Уж я вам точно не завидую.

– Я буду приносить вам кучу денег и без этого, – сказал Кайоши, укладывая палочки на пустую чашку. – Давайте будем просто разговаривать и ужинать вместе.

– Что ж, я и не рассчитывал получить от вас другой ответ, – вздохнул старик. – Ну, пусть будет хотя бы так. Иначе вы совсем разучитесь вести беседы.

Взрослый Кайюши бахнул дверью и выбежал в коридор.

– Не хочу это видеть, – прошептал он. – Я не должен видеть прошлое.

Он вышел в сад и, минуя бесконечные тени провидцев, бросился к берегу Красного озера. Дождь из лепестков, подсвеченных заревом востока, вдруг превратился в летний ливень, а потом запахло яблоками и хурмой. День прошел за минуту, и вместе с вечером на храм опустилась осень. В мареве заката полыхали клены и черемуха, где-то взрывали фейерверки в честь праздника урожая. Потом огненные сумерки сменились ночью. Листья опали, в саду зажглись фонари, а на небе осело звездное крошево – остатки съеденного кем-то солнца.

Кайюши наконец добежал до озера. Оно было все таким же огромным и мертвым. Ветер перекачивал темную воду. Скелеты деревьев, как толпа нищих старух, гляделись в отражение и плакали остатками листьев.

Провидец заметил вдалеке, на мостках для медитаций, чей-то силуэт. Это снова был маленький Кайюши. К нему, сняв деревянные башмаки, на цыпочках приближались трое детей.

Провидец помнил этот день. Тогда его, ничего не подозревавшего, столкнули в ледяную воду. Так и случилось. Маленький Кайюши упал в озеро и забарахтался в нем, опускаясь на дно под тяжестью плотных одежд. Он ухватился за край мостков, но не смог подтянуться, и никто не помог. Де-

ти просто убежали, но вскоре с холма спустилась лавина слуг и бросилась к мальчику, гремя фонарями.

– Скорее в дом! – скомандовал Цу-Дхо. – Маэда, принеси горячей воды! Зовите всех докторов, живо!

– Интересно, я это предвидел? – задумчиво проговорил Кайоши. – Не помню... Может, я нарочно дал им себя столкнуть.

Он замер у воды и заглянул в свое отражение. Ветер колыбал тонкие многослойные ткани, и казалось, что вместо шелка трепещут лепестки фиолетовой розы, окаймленные золотым песком.

– Если я вижу все глазами прималя, то почему здесь только мое прошлое? – сказал Кайоши самому себе. – Почему это не сон о Сетерре? И как давно я сплю?

Он посмотрел на храм и увидел, как вереница огоньков поднимается по главной дороге.

– Что я делал, прежде чем уснул?

Озеро вдруг отодвинулось, уменьшилось во много раз, а деревья подступили ближе.

Из темноты сада появился Осита с фонарем, а вслед за ним вышел красивый молодой человек.

– Принц Нико, – понял Кайоши, и его тут же ударило еще одной догадкой. – Это не сон! Это мое подсознание. Я говорил с принцем Нико, а потом... Потом я уснул...

Озеро теперь выглядело иначе, но на нем опять появились мостки.

– Что ты хочешь сказать мне? – сказал провидец, обращаясь к подсознанию. – На что ты намекаешь?

Снова и снова маленького Кайоши толкали в воду.

– Вы этого не помните! – испуганно сказал Нико голосом Цу-Дхо. – Вы не помните. Вам было всего шесть лет. Вы гуляли по мосткам над озером, и вас кто-то толкнул в воду. Кто-то из детей позавидовал вам и толкнул в воду. В ледяную воду. Зимой. У вас была лихорадка, Кайоши. Вы заболели. Сильно заболели. Вы умирали у меня на руках. Мы обложили вас льдом, но жар уже не спадал. Мы приготовились к худшему и тогда... Вы вдруг проснулись и сели, а потом начали смеяться. Я коснулся вашего лба, и он был прохладный. Вы сказали, что Змей наконец-то вышел из клетки. Что теперь вы сын Черного Дракона. И что вы убьете Ли-Холя. Вы так и сказали, Кайоши! Вы заявили, что убьете нашего императора!

– *Червь!* – с ужасом понял Кайоши. – Когда я потерял сознание, мной овладел *Червь!* Значит, поэтому я не могу проснуться!

– Но у тебя больше власти над твоим телом, – сказал Нико. – Разве нет?

В лицо ударил запах воска и дыма. Кайоши почувствовал тепло на левой щеке, услышал треск пламени и чьи-то всхлипы. Он открыл глаза и увидел забившегося в угол Оситу, всего в соплях и слезах.

– Что случилось?

– Каёси-танада-а! – пискнул зареванный слуга и, приглядевшись, подался чуть вперед. – Вы уже не совсем сумасшедший, да? Черный Дракон ушел?

– Что здесь произошло, Осита?

– Вы разговаривали с кудрявым господином, а потом уснули! – выдавил слуга. – А-а потом проснулись среди ночи и как давай головой крутить и глазищами лупать! Луп-луп! Луп-луп! Как бешеная сова! А потом остроухов позвали и страшным таким голосом говорите: «Убе-е-ейте этого Нико! Убе-е-ейте его!» Он, бедный, еле ноги унес!

От этих слов сердце Кайоши словно превратилось в чугунный колокол, и мысли без конца ударили в него, разнося гул по всему телу.

– Где сейчас господин Нико?!

– Откуда я знаю! – всхлипнул Осита и снова забился в угол. – Он в сад убежал. К-Каёси-танада, вы точно уже не сумасшедший? Можно, я пока уйду, а? Мне страшно.

– Позови кого-нибудь из остроухов, живо!

– Вы что, еще и слепой теперь? – возмутился мальчишка, сморкаясь в рукав. – Вон же один стоит возле двери, а второй за спиной у вас! Там еще двое снаружи.

И правда. Наемники вели себя так тихо, что Кайоши не сразу их заметил. Он не стал больше спрашивать Оситу и отдал остроухам новый приказ: отыскать Нико и привести обратно в целости и сохранности. Наемников ничуть не смутило непостоянство господина. Двое тут же покинули

комнату и побежали в сад, на ходу передавая слова Кайоши остальным.

– Там еще пришел какой-то страшный одноглазый мужик с кулем! – сообщил Осита немного погодя. – А у него в куле мальчик. Безногий! Они в другой комнате спят. Черный Дракон пока решил их не убивать. Просто усыпить велел. Каёси-танада, я от страха умру, если он опять вернется! Зачем вы его выпустили? Сегодня даже не чернодень!

Провидец не ответил. Он с трудом сохранял спокойствие в эти минуты. Происходящее выглядело так, словно легенда о Богах воплотилась в человеке и Змей решил уничтожить через Кайоши весь людской род. Не дать ему спастись в день затмения, убив Нико.

ТАКАЛАМ

ПУТЕВОЙ ДНЕВНИК

В воздухе со вчерашнего дня висит пыльный смог, и даже утренний дождь не избавил нас от этой неприятности. Мы сидим в тени дерева, ветви которого касаются моей макушки, и молчим. Карима лушит фасоль, а я слушаю, как семена ударяются о дно и стенки жестяного таза. Они кажутся почти живыми. Выпрыгивают из ложа и разлетаются в разные

стороны, иногда мимо посуды, как неосторожные слова, которые стоило оставить при себе. Я предлагал помощь, но Карима обиделась на меня и велела вести записи.

Не понимаю, почему ее так расстраивает мое желание быть полезным. Пожалуй, это особенность всех безногих. Они с трепетом относятся к той работе, которую могут выполнять, и стараются делать ее сами. Наверное, своим предложением я как бы намекнул Кариме: «Ты ведь калека. Вдруг ты и это неспособна довести до ума». И вот почему я смотрю сейчас на фасолины под сосредоточенным взглядом Каримы и ругаю себя за слова, пролетевшие мимо сосуда молчания и упавшие в разговор. Я совсем не это имел в виду. Я лишь хотел позаботиться о ней.

А может, Карима сердится на другое. Вчера я опять поднял вопрос о том, что хочу остаться здесь, с ней, и она жестоко отказала мне. Я не понимаю, в чем дело, ведь я ей тоже нравлюсь. Карима говорит, что «не хочет вставать на пути моей задумки, ибо нельзя прерывать нечто столь грандиозное». Притом она не знает, чем так важна моя цель разгадать тайну затмений и к чему это приведет, и оттого ее слова кажутся обидной отговоркой, хотя я и не вижу в них неправды.

Я считаю, что достаточно побродил по свету и повзрослел, дабы скинуть с себя глупые мечты мальчишки о великих открытиях и грандиозных планах. Мне двадцать два года, я молод, полон сил. Я нашел девушку всей моей жизни и страну, в которой наше с ней счастье возможно. Так поче-

му Карима гонит меня в новые странствия? Неужели она не верит в то, что я смогу позаботиться о семье? Что стоит ее предчувствие против моей любви? Конечно, талант Каримы сильнее моего, но мне кажется, это не он говорит ее устами, а Цель и боязнь стать мне обузой. Я никак не могу объяснить ей, какую радость обрету, став ее мужем.

Даже не будь у меня образования, я бы нашел способ выкупить ее долг порченной, чтобы она смогла уехать отсюда, стать моей женой и отныне работать на себя, а не на короля. Я бы усердно трудился на рудниках не покладая рук, до семи потов, до онемелых пальцев. Каменщик Хадим, следуя этой дорогой, недавно освободил себя, супругу и троих ребятишек. Больше его семья не гнет спины на королевских полях, а сам он не горбатится на добыче чужого золота. Теперь у Хадима будет своя небольшая ферма на окраине, он получит бумагу свободного человека, сможет платить налоги и продавать урожай, не боясь, что покупатели станут брезгливо показывать пальцами на его шрамы. Судмир очень развитое королевство, но Карима будто не видит этого. Она живет так, словно мы находимся в Соаху, где порченные попадают на рудники во младенчестве и там же умирают.

Карима чувствует себя рабыней своего тела, должно быть, поэтому она считает, что человеческие радости не для нее, и готова жить вот так, луща фасоль для чужих столов и день за днем плетя корзины. Она никогда не копила заработанные деньги, а все раздавала в другие семьи, чтобы те поскорее

откупились. Порченные всегда отказывались, ибо так уж они устроены. Тогда Карима заставляла их голосом, и это самое страшное. Это означает, что она считает такую жизнь справедливой для себя, иначе не смогла бы пойти против совета. И она верит, будто наша любовь стоит меньше глупого путешествия во имя невозможной разгадки неизвестно чего.

– Недавно я видела сон, – говорит Карима, не глядя на меня.

Я весь цепенею от неожиданности и готов ловить каждое слово. Если она решила рассказать, значит, это что-нибудь важное. Обычно Карима подолгу обдумывает увиденное и делится со мной, только будучи уверенной.

Она заправляет под платок смольную курчавую прядь и чешет шею, тонкую, как у ребенка, искусанную мошкарем, потную и липкую от висящей в воздухе пыли. Самую прекрасную шею на свете с двумя родинками. Я так увлекаюсь любованием, что едва не пропускаю начало монолога.

– Я видела то, какой Сетerra была раньше. Многомного лет назад, – начинает Карима напевно и величаво, как древняя сказительница. – Еще до того, как на ней появились люди. И тогда многое было иначе. Я смотрела с большой высоты, как будто была птицей, летящей над материками и океанами. И ты знаешь, раньше на Сетерре было гораздо больше пустынь и меньше рек. И на всем экваторе было жарко. Даже на Валааре! Раньше там росли тропические леса. И в Чаине было жарко, как сейчас в Соаху, а Руссива была наполовину

иссохшей. Я все это видела и точно знала, что это правда. Сетерра сильно изменилась.

– Разумеется, – подтверждаю я, немного огорченный сном Каримы. Мне кажется, в нем нет ничего особенного. – Со временем все меняется. Просто холодные течения пришли с полюсов и изменили климат в некоторых местах, а подземные воды вышли на поверхность, образовав реки. Я слышал это не от тебя одной. Материки находят друг на друга, сморщиваясь в горы. Вулканы извергаются и остывают. Все кругом подвержено изменениям.

Карима мельком глядит на меня. Ее оранжевые, словно апельсиновая кожура, глаза кажутся мне горящими факелами. Из-за них Карима редко смотрит на людей. Она говорит, что необычные цвета получаются от смешения генов. Это называется мутацией. Еще иногда порченые рождаются с седыми волосами, но с ней такого не случилось. Чаще всего странно выглядят те, в ком велика концентрация таланта прималы, или те, кто одновременно колдун и носитель Цели. Это лишний раз подтверждает мои крохотные способности и, по правде, даже расстраивает меня. Я-то совсем обычный.

– Нет, ты не понимаешь, – взволнованно говорит Карима. – Эти изменения были очень странными и слишком быстрыми. Невозможно быстрыми! Они не могли произойти просто потому, что так устроена природа. Реки прошли по пустыням Намула, и материк стал болотом, а вулканы потухли. Холодные течения Северного океана изменили курс

и стали доходить аж до Валаара, где раньше были тропики. Жаркий Твадор до того остыл, что теперь там случается снег, а в северной части Террая появились горы, которых не могло там быть! Для этого литосферные плиты должны были поднырнуть одна под другую, но там сплошная плита и никогда не было выбросов магмы для вулканических конусов!

Тут Карима снова смотрит на меня и замолкает, поняв, что я чувствую себя полным дураком. Половина слов, которые она использует, когда забывается, кажется мне непонятной белибердой, и редко какие Карима может объяснить. Она говорит, что знания сами собой всплывают в памяти или же приходят во снах. Я тоже прималь, но ко мне пока, увы, ничего не приходило.

Я все время думаю о силе Каримы. О том, что она раскрыла Цель до конца и может управлять кем угодно. Пожалуй, на ее месте я бы давно перевернул мир, поставив порченных во главу стола. Я бы сверг короля или заставил его издать такие законы, которые поменяли бы уклад нашей жизни. Я бы не поленился убедить всех людей. Всех и каждого. Научил бы их любить друг друга, принимать благие чувства и сеять добро. Я создал бы прекрасную страну, где у всех все хорошо, а потом перекинул это на весь мир. А Карима говорит, что я болван, тиран и максималист, вот поэтому мне и не дана такая сила. Люди должны осознавать свои поступки и принимать решения сами, а не под приказами, и никто не имеет права управлять судьбой другого. Общество, о котором я

мечтаю, – всего лишь плод моего эгоизма, если я создам его насильно. Оно имеет право на существование, только если дойдет до этого естественным путем, через призму преобразования самих людей.

– А если ты сделаешь их такими насильно, в твоём мире будет не больше смысла, чем в этих вылущенных стручках, – говорит Карима. – Мы должны быть хорошим примером. Но не рычагом власти и не абсолют, который диктует всем свою волю. Мы здесь не для этого. И мы не высшая раса, как ты думаешь, высоко задирая голову и разделяя людей на хороших и плохих. Мы – просто подсказки для тех, кто должен принять решение.

Кто бы знал, как меня раздражает её пацифизм. И кто бы знал, как я люблю её за него. Иногда мне кажется, мы оба неправы и правда спрятана где-то между нами, в переплетении наших слов. Возможно, моральное насилие – в самом деле плохой выход. Но прогресс не начнётся сам по себе, и сидеть сложа руки неправильно. Если рыба гниёт с головы, то почему бы ей не начать возрождаться с этой самой головы? Что, если бы правители рассуждали иначе и в конце концов изменили весь мир? Но если не влиять на них даром Каримы, единственный выход, который я вижу, – воспитание. Я представляю, как однажды заявлюсь к какому-нибудь государю и скажу: «А не хотите ли вы, уважаемый, чтобы я вырастил вашего малыша достойным правителем?» И меня прорывает на такой смех, что Карима тоже начинает смеяться-

ся, хотя и не знает причины.

Глава 4

Возвращение блудного брата

Однажды в небесной стране встретились и затеяли жаркий спор фокусник-факир и нищий монах – дервиш.

– Чего стоит твое учение, – сказал факир, – если ты беден и коченеешь на холоде, как зимняя муха? Оба мы скитаемся по небу, но мне все рады, а тебя гонят взащей.

– Твои глупые фокусы тут же забываются, – отвечал дервиш. – А мои знания хранятся в умах долго. И пусть меня принимают немногие, я остаюсь в их памяти и заставляю думать об истине. И каждая ясная, добрая мысль, которую я внушаю

жителям небес, ярче разжигает созданное мной солнце. Здесь я всего лишь странствующий дервиш, зато далеко внизу, под моими ногами, миллионы земных существ считают меня Богом. Я сотворил собственную религию, а ты – жалкий фокусник у всех на побегушках.

Факира сильно обидели слова монаха, и он решил отомстить ему, внушив жителям небес дурные мысли. Он расточал их на выступлениях и однажды, во время большого праздника, убедил стольких зрителей, что солнце потухло на целые сутки. Скверна, скопленная в лучах, падала на землю и искала в каждом человеке плохое. Грубое ли слово он сказал или убил кого-то. Черное светило хваталось за каждую крупинку злобы и сжигало людей, чтобы достать ее из пепла, впитать и пополниться мраком.

Узнав об этом, дервиш собрал своих приспешников и вытеснил проклятие солнца великой верой, а факира изгнали на землю, где он и по сей день скитается под множеством личин – прималей, колдунов, шаманов. Но его последователи все еще остались на небе, и раз в три дня они по-прежнему овладевают солнцем. И когда оно сжигает тела, пепельные вихри следуют за многоликим факиром, ропща и проклиная его. Гнев дервиша, чья религия оказалась осквернена, дошел до людей, и те из них, кто подкармливал грехами черное светило, в наказание получали порченное потомство – уродливое снаружи или странное внутри.

Так испокон веков звучит легенда Соаху, и я полагаю,

именно она стала причиной того, что на Тетрае примаки скрывают свои таланты и даже не думают их развивать.

(Из книги «Легенды затмения» отшельника Такалама)

* * *

Архипелаг Большая Коса, о-в Валаар, Теплая долина, 4-й трид 1020 г. от р. ч. с.

Астре обнаружил себя в деревянном кресле с мягкими, но неумело сшитыми сиденьем и спинкой. Долгими зимними вечерами Илан пропадал в мастерской, без конца шлифуя это кресло для Астре, чтобы тот мог передвигаться, крутя руками колеса.

Тогда дом пустовал в ожидании новых людей и казался огромным. И Астре не стыдился занимать больше места, чем требовалось его маленькому телу. Потом народу стало много, и наступила уютная теснота. Астре попросил убрать кресло обратно в мастерскую и почти все время проводил на подоконнике, чтобы не мешаться под ногами.

Он не жалел. Новое убежище было уютным, а еще отсюда получалось наблюдать за семьей в комнатах и во дворе. Оставаться ее частью, при этом никого не донимая. И все-таки, вновь оказавшись в кресле, Астре обрадовался.

– Я давно тут не сидел. Уже соскучился по нему, – сказал

калека, погладив поручень.

– А по мне? – обиделся Илан, сметая в кучу свежую стружку.

В мастерской высились горы опилок и золотой пыли. Тут как будто полгода стругали, но не убирали. В распахнутую дверь задувал свежий ветер, и от него колыхалась занавеска на окне. Белая, в синий горошек.

– Погоди, Илан, а как мы здесь оказались? – спросил Астре. – Я же... Я ведь был...

Ему вспомнился ночной сад. Деревья в каплях. Морось и туман.

– Где ты был? – мрачно поинтересовался Илан, откладывая метлу и надевая фартук.

Странно. Брат никогда не хмурился и не захламлял мастерскую до такой степени. И почему вдруг наступила осень? Из дверного проема виднелся хвойный лес, а за ним ярко-желтые березы. Ельник стоял будто подсвеченный изнутри. Пахло волглой травой, сеном и листьями. И даже воздух словно стал золотым.

– Ты правда не соскучился? – удивился Илан. – Совсем у тебя совести нет! Ну и ладно.

Астре наблюдал, как брат, мурлыкая что-то под нос, продолжает выметать из углов бесконечную стружку, и слезы вдруг потекли по щекам.

– Ты умер... – сказал калека.

Он знал, что Илан погиб несколько дней назад, в Меду-

ке, от выстрела в голову. Что близится зенит затмения и, если ничего не предпринять, миру конец. Что Нико выжил и ему предстоит вести шествие в Соаху, которое теперь называют Объединенным государством, но об этом в присутствии принца лучше не заикаться. Что его учителя зовут Такалам, а существо, спасшее порченных на мельнице, носит имя, подаренное девочкой с Акульего острова. Рядом ощущался кто-то очень знакомый. Это он принес Астре знания и теперь ждал, пока порченный проснется.

«Здесь Кайоши, – подумал калека. – Он воспользовался связью прималей».

– Мне вот интересно, – сказал Илан, упершись подбородком в древко метлы и пристально глядя на Астре, – ты опять заведешь свою шарманку? О том, как ты виноват и что ты не должен жить на белом свете и плодить покойников. Сначала отец, потом Иремил, теперь я. И везде ты один виноват.

– Почему ты так говоришь? – с трудом спросил Астре. – Ты же... Ты же моя Цель...

– Да, разрыдайся теперь и посыпь голову пеплом, – усмехнулся Илан. – Или стружками. Хочешь, я тебе посыплю? Вот. Легче стало? Эй, кто-нибудь, вам полегчало? Может, конца света теперь не будет? Астре так старательно себя корит! Интересно, почему от этого никому не радостно?

– Я не понимаю...

Калека закрыл глаза, а когда открыл, увидел у себя на культиях золотистые спиральки.

– Полегчало? Ну? Полегчало, Астре?

– Да о чем ты?! – вспыхнул калека. – Чего ты от меня хочешь?! Чтобы меня совесть не мучила?!

– Да мучайся на здоровье, Астре, – развел руками брат. – Мучайся сколько угодно, только хоть иногда шевели остатками своих конечностей. Чтобы от тебя, кроме нытья, был еще какой-нибудь толк. Тебе же плевать на всех. Подумаешь, Кайоши из-за тебя парализовало. Подумаешь, план рухнет, если ты умрешь. Какая разница, тебе же надо свести с собой счеты! Честное слово, в кого ты такой дурак-то? Ты как будто опилки против ветра метешь.

– А что толку ему говорить, если он не слушает? – раздался за спиной голос Иремила.

Астре развернул кресло и увидел прималю.

– Я ему всегда говорил: ищи управу для мыслей. Живи для тех, кто остался. Приноси пользу. Так нет же. Он у нас мученик.

Иремил снял с плеча пустой мешок и взялся заталкивать в него стружки.

– С виной жить тяжело! – добавил Илан, снова орудуя метлой. – Поэтому он у нас голодует. Он же всем мешается. Он же такая обуза. Да еще и люди из-за него мрут. Ах ты наш бедный, несчастный мальчик!

– Трудно ему, – согласился Иремил и уложил мешок Астре на культи. – Вот, это я. Тяжелый, а?

– А это я.

Илан бухнул еще один мешок. Они были просто неподъемными, хотя внутри вроде обычные опилки.

– А это тебе за отца, – сказал Иремил, добавляя сверху третий мешок, за которым Астре уже ничего не видел.

– И сверху пеплом посыплем! – крикнул Илан, разбрасывая над калекой золотистые горсти. – Как тяжело жить, Астре!

– Хватит! – выпалил калека. – Хватит, Цель, я все понял.

– Восемнадцать лет не понимал, а тут вдруг понял, – рассмеялся Иремил.

– Тяжело, а будет еще тяжелее, – не унимался Илан, продолжая подметать пол. – Тут опилок море. На каком мешке ломаешься, Астре?

– Ни на каком, – мрачно произнес калека. – Я все понял.

– Понял? – повел бровью Иремил. – Ну тогда вези.

Астре взялся за колеса и крутанул их. Руки свело судорогой, а кресло сдвинулось совсем на чуть-чуть.

– Вот теперь ты знаешь, почему твои братья так мало прожили, – сказал Иремил, толкая калеку к двери. – Они думали, что нам без них легче будет.

– Это им без мира легче было! – крикнул вдогонку Илан, и Астре проснулся в холодном полумраке комнаты, под раскатистый храп Зехмы.

«Мы не добежали до дома, – вспомнил калека. – Что-то случилось».

– Приветствую вас, – послышался знакомый голос.

Астре повернул голову и увидел юношу в деревянном кресле на колесах. Словно перенесенное из мира снов, оно испугало калеку до нервной дрожи, и он какое-то время не мог понять, что уже не спит.

– У меня к вам просьба, – сказал Кайоши. – Простите, что так с ходу. Но я боюсь потерять сознание от недосыпа, а это может плохо кончиться.

Астре сел на кровати. Комната была пустая и темная. На стене горела единственная лампа, и окутанное тенями лицо Кайоши показалось Астре вылепленным из желтого воска.

– Как много я смог вам передать? – спросил провидец. – Я попытался сократить время на объяснения и...

– Я все сделаю, – прервал его Астре, дрожащей рукой утирая мокрое от слез лицо. – Но вы уверены в своей просьбе?

– Да, – резко выдохнул провидец.

Слова давались ему с большой мукой, и на долю секунды Астре подумал, что Кайоши не решится, но он посмотрел на калеку в упор и сказал:

– Я схожу с ума от видений, поэтому, пожалуйста, прикажите мне больше не видеть вещей снов.

* * *

А хоромы-то отстроили, мать непутевая! Да тут в одной комнате целым островом жить можно, еще и в гости друг к другу ходить все ноги стопчешь. Генхард на потолок узорча-

тый столько паялился, что чуть совсем не окосел. Того гляди, вон те птички по лозам виноградным летать начнут и гадить вороненку на лоб. Ишь, какие у них пуза. Ягод небось жрут как прорвы.

– Эй, – шепнул Генхард в полумрак. – Есть тут кто живой?

Сесть и посмотреть боязно было. А вдруг не только Илана нету, а и еще кого-нибудь. Генхард только и помнил, как их в телегу после суда погрузили. Может, его признали не порченным и не спалили поэтому? А остальных? Батька соахийский! Только бы это они тут лежали!

– Эй! – повторил вороненок и стал щупать матрац справа от себя.

И слева бы пощупал, да плечо страшно разболелось. От этого и проснулся, так что шевелить им лишний раз не хотел.

– Эй, вы дрыхнете, что ли?

Рядом сопели, но никто не отвечал, и пришлось подняться. А перина-то мягкая! Пальцы аж до пола провалились! Солнце еще не взошло, и за окнами такой туман стоял, что хоть режь на лоскуты и одежду шей. Никакого света не пропускал. Пришлось Генхарду ползти вдоль матрацев и смотреть, где кто лежит.

От народа пахло мылом, так что нюхай не нюхай, а родную вонь никак не учуешь. Генхард дополз до первой лежанки и увидел ноги. Длиннющие, волосатые. Торчат из-под одеяла, как палки. И так Генхард этим ногам обрадовался! По ним-то сразу понятно, что это Вобла тут лежит, а не кто-то

другой. Он был посинелый и до того опухший, что аж щеки округлились. Уж чего-чего, а щек у Воблы сроду не было. Генхард укрыл ему ноги и дальше пополз.

Ближе к стене скрутился калачиком Здоровяк. С ним вроде все было нормально. Дорри спал слева, один, и Генхарду никакого духа не хватило на него посмотреть. Когда он его в прошлый раз видел, на бедняге живого места не осталось. Зато волосы блестели, как маслом намазанные. Все им ни-почем.

В последнюю очередь Генхард нашел Яни. Оказывается, она спала слева от вороненка, и он ее не сразу заметил. И было тут еще два пустых матраца, непонятно чьих. Один, похоже, Шивиля. А вот второй... Неужто Илана тоже с ними привезли и положили тут... мертвого?

– О-о-ох, – застонал Генхард, схватившись за плечо.

Ему так вдарило в руку, что аж в глазах потемнело. И то ли за дверь кто-то караулил, то ли вороненок слишком громко охнул. Тут же слышались шаги, и в комнату просеменил смешной такой мужичок. Маленький, в синем халате, а под ним голубой, а под ним еще белый. И рукава до того огромные! Каждый с юбку! А на них еще завязки блестящие.

– Ты кто? – спросил Генхард, когда человечек поклонился и протянул ему чашку с вонючим бульоном. – Ты откуда такой узкоглазый? Пчелы тебя укусили, что ли?

Мужичок опять поклонился и протянул Генхарду пиалу.

«Чего это он мне кланяется?» – подумал вороненок и тут

увидел, что волосы у мужичка черны-чернехоньки. Как у настоящего соахийца. Правда, все-таки покусанного.

– Умереть не встать! – выпучился Генхард на мужичка. – Да я же во дворце! Да я же принц теперь! И у меня слуга есть! Братец соахийский! Братец родненький!

– Да здесь я, здесь! – слышался чей-то раздраженный голос. – От тебя шуму, как от целой толпы.

Генхард вытянул шею да так и застыл. На пороге, прислонившись к дверному косяку, стоял соахийский принц. Бледный, лохматый, больной на вид, но самый что ни на есть настоящий.

– Родненький! – выпалил Генхард вне себя от счастья, оттолкнул мужичка, пролив на пол вонючий бульон, и бросился к брату.

– Да-да, я тоже рад тебя видеть, – сказал тот, когда вороненок чуть не сшиб его с ног. – Но ты бы плечо поберег, а?

– Не проснись! Не проснись! Не проснись! – пробормотал Генхард, крепко зажмурившись, и только тогда открыл глаза.

Хоромы золоченые никуда не делись. Принц тоже. Вороненок столько всего хотел ему сказать, но за один миг от счастья ничегошеньки в голове не осталось. Брат наконец-то заговорил, а Генхард стоял, как пень посреди огорода, и ни слова не мог вспомнить.

– А я и знал! – выдал он наконец, сдерживая слезы. – А я всегда знал, что ты за мной вернешься, родненький! А это мы уже в Соахии, да? Это твой дворец?

– Нико, – сказал брат. – Это мое имя. Тебе, Генхард, спать надо. Чего ты соскочил так рано? Доктор тебе лекарство принес, выпей и спи. Утром поговорим.

– А у меня плечо заболело, – потупился вороненок. – Вот и встал. А это... кого там несут?

Генхард попятился, увидав за спиной брата странного мужика, у которого в руках был самый настоящий куценожка.

Нико отошел от двери, пропустил дылду, и тот плюхнул Астре на один из пустых матрацев.

Генхард открыл рот, силясь что-нибудь сказать. Потом закрыл.

– Эй, куценожка, я, что ли,дохну уже, а? – испуганно шепнул он, глядя то на Астре, то на соахийца.

– Нет, – спокойно сказал калека. – С чего ты взял?

– А и как это с чего? Бредить же начал! Говорят, так и помирают от ран! Сначала жар по всему телу, потом чушь всякая в голову лезет. А потом – р-раз! – и вынесли тебя холодного. И брат пришел, теперь еще ты тут. Откуда вам тут взяться обоим? Точно брежу!

– Все нормально, ты не бредишь.

– Я пойду мелкого притащу, – зевая, сказал Нико. – А то он со мной уснул.

Генхард проводил принца взглядом, сел на перину и подполз к Астре.

– Занозу мне в пятку! – сказал он, ткнув калеку в плечо. – Ты прям взаправдашний! Даже воняешь!

С минуту они сидели бок о бок, словно два кукушкиных сына в гнезде, и смотрели на Яни. Волосы у нее разметались по подушке, а уголки глаз будто мукой присыпали – редела много, вот следы и остались.

– Ты помер, да? – спросил Генхард. – Ты поэтому за мной пришел? Чтобы в мир мертвых меня забрать? А Илана почему тут нету? Ты его забрал уже?

Куценожка ничего не успел ответить: вороненок увидел, что в дверях стоит Сиина, и никакой храбрости у него не осталось.

– А и жуть-то какая!!! – выпалил Генхард, грохнувшись на Яни.

Тут уже все заворочались, и первым подскочил Вобла. Рыжая промычала что-то, начала глаза тереть. А Дорри как увидел уродку, так сразу про все свои раны забыл. Побежал, спотыкаясь, вцепился в Сиину – клещ клещом, зажмурился, уткнулся в нее и затих.

Дальше было шумно и слезно, а больше всех Вобла рыдал. Прямо до судорог. Рори сидел как пугало с глазами, только головой вертел. Яни вопила: «Вы мои хорошие!», визжала как резаная и целовала Астре в щеки, в лоб, в губы. Потом взялась целовать Генхарда, а потом обоих поочередно. Куценожку могла бы и не целовать, между прочим!

– А ну замолкли! – гаркнул неожиданно появившийся на пороге страшнющий мужик.

Глаз у него был всего один, но он так им зыркнул на всех,

что Генхард чуть штаны не намочил. Остальные тоже при-
тихли и съежились.

– Не успели проснуться, а уже орете, – сурово сказал му-
жик. – Если так орать, то и глотки порвутся. Орать если. А
если не орать, то и тихо будет. Медведя вы из берлоги зове-
те, что ли? Ишь, орава горластая. Все орут и орут. Половина
острова сюда соберется, раз орете так. А если...

– Это Зехма, – прервала его уродка. – Брат Иремила.
Охотник он. Мы его нашли и зиму с ним жили, а потом он
сюда нас привел. К вам.

– Зехма я, – подтвердил мужик.

Генхард и опомниться не успел, а рыжая уже тут как тут
целоваться лезет! С разбегу прыгнула на страшилую и орет:

– Зехма! Ты мой хороший!

Ну не дура ли?

Охотник чуть не упал через порог.

– Ить! – говорит.

Девчонку он таки удержал, но ворчать стал больше преж-
него.

– А ну отцепляйся! Белка ты, что ли, лазать по мне? Ты
хоть и рыжая, а не белка, и, значит, слезай. Белки лазают по-
тому, что бестолковые они. Ты, что ли, бестолковая совсем?

– Бестолковая! – радостно согласилась Яни, чмокая охот-
ника в обе щеки, и тут Зехму облепили почти все, кто был
в комнате.

Даже Вобла бросился к страхолюду, будто к родному от-

цу. Зехма выпучился и стоял, не шевелясь, в полной растерянности от такого приема. Дорри к охотнику не пошел. Он все стоял возле уродки и на Зехму смотрел с подозрением, как и Генхард.

Когда разошлись по кроватям, Яни начала всех знакомить, но мужик и без того знал, кто есть кто. Первым делом он подошел к Генхарду и склонился над ним, как одноглазый коршун над цыпленком.

– А и... чего ты? – Вороненок натянул одеяло до глаз. – Целоваться, что ли, лезешь? С мужиками не целуюсь я! Даже и по-родственному! Даже и при встрече!

– Ты, стало быть, патлатый Генхард, – сказал Зехма. – Потому как патлы у тебя вон аж докуда висят.

Астре тронул охотника за плечо, и тот зыркнул на куценожку исподлобья.

– Да ты не боись, не порублю я его. Потому как иначе с топором бы подошел. А я не подошел, а лучше б подошел и патлы ему пообрубал за брата моего. Хоть патлы, а пообрубал бы.

– А я-то чего? – пискнул Генхард. – Я тут ни боком, ни пяткой. Я вон за этими только ходил.

– Я его уже за все била! – сообщила Яни, оттягивая Зехму от вороненка. – Ты над ним так не нависай, а то у тебя изо рта воняет. Он теперь хороший стал! Он даже так нас защищал, что его ранили, как героя. Ой, а где Шивил? Он же вон там спал. Где он?

– Это кто? – нахмурился Зехма. – Я такого не знаю. Тебя вот знаю, Яни ты. Эту вон каланчу Мархом зовут, а рожа квадратная у Рори. Это вон Дорри, стало быть. Про вас мне рассказывали про всех, а Шивил кто?

– А это наш... мелкий, – пробормотал Генхард, стараясь подобраться ближе к Астре.

Куценожка переглянулся с Сииной, и оба ничего не поняли, но тут виновник разговора появился на пороге сам. Как всегда, в шерстяных чулках, волочащихся по полу, и наскоро подшитом костюмце из серо-зеленой ткани, ушастый, кое-как оболваненный и с первого взгляда шкодливый до невозможности.

– А я батьку нашел! – заявил он, раздуваясь от гордости. – И с ним спал! А вам про батьку не сказал! Потому что я больше, чем вы, по нему соскучился! Это батька нас всех спас! Злодеев убил, а нас сюда привез! Батька! Идем, они мне не верят! Идем скорей!

Шивил побежал в коридор и мгновение спустя вернулся, толкая перед собой хмурого принца.

– Здравсте, – буркнул тот, заглядывая в комнату, и хлопнул мальчишку по затылку. – Хватит сочинять. И я тебе не батька!

– Ты мой батька! – с чувством сказал Шивил и повис на руке Нико. – Они мне не верили, что ты за мной придешь! А ты пришел! Я тебя так люблю! Как сразу трех батек!

– Ой, принц! Это же наш принц! – запищала от восторга

рыжая и кинулась к Нико. – А ты теперь разговариваешь?! Ты излечился от проклятья, да?! – спросила она, повиснув у соахийца на шею и глядя на него снизу вверх.

– Я уже боюсь представить, какой еще чуши вы про меня напридумывали, – ответил Нико, подхватив ее и усадив на матрац рядом с Сииной, а сам присел к Генхарду и потрепал по здоровому плечу.

Вороненок с головой залез под одеяло и рыдал. В нем смешалось счастье, горе и страх, что сон вот-вот закончится.

– Эй, вылезай оттуда. Надо плечо перевязать.

– Не присни-ился! – судорожно выли Генхард. – Настоя-ящий!

– Не плачь, ты теперь будешь принцем! – ободряюще заявила Яни, заплетая косичку, и когда Генхард опять заревел от счастья, шлепнула его по голове. – Не плачь, я сказала! Илан не любит, когда мы плачем. Он сейчас рядышком и на нас смотрит. А ты тут ревешь!

Глава 5

Провидцы императора

В Пархире говорят, что Сетерра – это шарик, проглоченный огромным китом Мазухой. Когда он раскрывает пасть, по всему миру становится светло, а когда закрывает, люди любят светляками, прикрепленными изнутри к его брюху. А может, это воздушный планктон, похожий на тот, что водится у берегов Мерцающего моря. Но только он обитает в воздушном океане, где плавает среди бездонных, пустых, словно кожаный мяч, внутренностей Мазухи.

Кит питается ветрами и дождями, часть которых перепадает и Сетерре. Внутри он полый и такой

необъятный, что планета выглядит крошечным зерном на фоне его тела. И потому она никогда не касается плоти Мазухи и не сталкивается с ней.

Раз в три дня кит пролетает над вулканами и глотает дымные вихри, полные копоты и злых духов, и в такое время лучше не выбираться из домов, потому что духи способны схватить человека и унести в жуткую, неизведанную наружность, даруя взамен только пепел. Дымным вихрям отдают лишь больных и покойников.

Иногда матери вдыхают частички вулканической гари, и на свет появляются странные существа, у которых два отца – один земной, а другой – злой дух. И последний непременно оставляет на ребенке свою метку, чтобы после смерти он превратился в дымный вихрь и помогал уносить с Сетерры мертвых и живых людей.

(Из книги «Легенды затмения» отшельника Такалама)

* * *

Архипелаг Большая Коса, о-в Валаар, порт г. Еванда, пароход «Мурасаки», 4-й трид 1020 г. от р. ч. с.

Плеск волн, темнота и тишина порождали сладостные фантазии. Ясурама лежал на кровати и смотрел в потолок, а в голове у него роились сотни сцен, в каждой из которых

главную роль играла Унара – женщина с глазами цвета весенних листьев.

Ясурама то улыбался, то вздыхал, обнимая шелковое платье. Он был уверен, что никто не побеспокоит его до самого утра и можно долго-долго лежать в каюте, словно в большой колыбели, упиваясь мыслями о прекрасной, гордой руссивке, но тут в дверь осторожно постучали.

– Кто там? – испуганно спросил провидец, заталкивая наряд под одеяло и садясь поверх него.

– Это я, друг мой! – взбудораженно прошептал Доо, просовывая в каюту пухлую руку с фонарем. – Вы ведь еще не спите?

– Нет-нет, я как раз медитировал, – соврал Ясурама, шурясь от света.

– У меня поистине Драконьи новости! – выпалил Доо, ставя фонарь в подставку на столе и падая в кресло возле кровати. – Оказывается, Кайюши-танада вернулся на «Мурасаки»! И Осита вот-вот освободится! Это сравнимо с внезапным приездом мэджу в самую унылую пору в храме! Скорее одевайтесь, друг мой! Мне так хочется подергать вас за шнурки, что нет никакого терпения!

Ясурама зажег еще одну лампу и принялся ворошить недра сундука. Пока он был занят, Доо подцепил двумя пальцами и вытянул из-под одеяла смятое платье.

– Друг мой, – прищурился он, разглядывая миндально-зеленую ткань. – Мне кажется или вы недавно отправляли

Оситу с этой вещью к руссивкам?

– Не подумайте дурного! – испугался Ясурама, и голос подвел его, надломившись на неприятной ноте. – Моим глазам так больно смотреть на этих дикарок в их обносках, что я решил подарить им одежду, чтобы... чтобы они выглядели приличней. Но дикарки на то и дикарки! Они ничего не взяли.

– Вы адресовали платье кому-то конкретному? – спросил Доо, расправляя шелк с вышитыми на нем цветущими лотосами.

– Что вы, конечно нет! Им всем!

Ясурама надеялся, что в желтом свете друг не разглядит его пылающих ушей.

– Но как они должны были разделить небольшой кусок материи на целую толпу?

– Н-ну... Я предполагал, что они разрежут его на ленты. На красивые пояски. У них совершенно уродские пояса, вы же видели.

– Друг мой, – прищурился Доо, поймав мечущийся взгляд Ясурамы. – Что же вы извиваетесь, словно угорь среди мокрых камней? Я точно видел там женщину с глазами цвета этой ткани. Вы слишком внимательны к подобным деталям, и я уверен, вы подбирали подарок для нее. Вы узнали ее имя? Признавайтесь скорее. У нас не должно быть секретов, иначе какие мы близнецы?

Тощий провидец нервно сглотнул. Что, если друг рассер-

дится на него за такие вольности? Вдруг Боги не захотят передавать им свой дар из-за недостойных мыслей Ясурамы?

– Унара, – опасливо шепнул он и замялся на мгновение. – А вот я видел, как Осита ходил к ним с вашим ожерельем. Для кого оно было?

– Ее зовут Матроха, – мечтательно сообщил Доо, причмокнув губами. – Это ожерелье сравнимо с золотом ее волос. Согласитесь, друг мой, руссивские женщины слишком красивы, чтобы жить на земле! Как они могут очаровывать нас перед самой церемонией?

У Ясурамы отлегло от сердца, он бросился к Доо и принялся дергать его за шнурки в порыве дружеской любви.

– Меня так беспокоили эти чувства! – признался он. – А вы, оказывается, тоже не избежали их ужасной ловушки! Как я рад, что мы понимаем друг друга во всем!

В следующий миг оба провидца едва не выскочили из халатов: к ним безо всякого стука ворвался красный от волнения Осита. Он был до того взбудоражен, что воспаления на лице совершенно слились с цветом щек.

– Наконец-то тебя отпустили! – подпрыгнул Доо.

Осита походил на судмирский чайник со свистком на грани кипения. Казалось, он вот-вот заверещит, а из ушей пойдет пар.

– Сядьте! – выпалил он, не успев сделать и шага. – Сядьте, пожалуйста, не то упадете прямо вот тут!

Провидцы сели, не выпуская шнурки друг друга.

– Ну! Рассказывай, Осита! – потребовал Доо.

«Маленький чайник», захлебываясь паром и кипятком, принялся выливать на провидцев все последние новости, начиная от сошествия с трапа и заканчивая возвращением на корабль. Ясурама то и дело переглядывался с Доо, и оба они одновременно зажимали рты от ужаса и восхищения и то дергали друг друга за рукава, то требовали пересказать самые интересные места и почти каждую фразу осыпали бесчисленным количеством домыслов и комментариев.

Осита поведал о красивом юноше, которого привезли остроухи, побитых детях в другой части корабля и одноглазом старике с топором. Но вишенкой на торте стала весть о том, что сын Драконов показал себя солнцу, и вместе с ним на корабль явились безногий мальчик и девушка с ожогами на лице.

– Какой кошмар! – схватился за голову Ясурама. – Почему Кайюши-танада нарушил обет?! И зачем ему порченые? Зачем они ему? Какой в этом смысл?

– И мальчика несли на корабль в большом куле! – продолжал Осита. – У Каёси-танады тысяча поручений, как будто тут слуг, кроме меня, ни одного нет! Я вот только и вырвался вам все рассказать! Чуть не лопнул!

– Меня все больше терзают подозрения, – прошептал испуганный Доо. – Что же это такое творится, в самом деле? Кого это Кайюши-танада собирает на наше судно? И почему он до сих пор не передал нам свой дар? Я только и делаю, что

голодаю и медитирую целыми днями. Даже не могу лишний раз подняться на палубу и подышать свежим воздухом! Остроухи всюду за мной следят! Разве это обучение? Это истинные муки! Да еще и в таких условиях! Я не понимаю, что задумал Кайоши-танада! Возможно, мы нужны были ему просто как предлог для чего-то?

– А спросить страшно! – поддакнул Осита. – Я заметил, что его все боятся! Мне прямо кажется, что если лишнего спрошу, то в меня тут же сунут иголку, и я умру! Вот сразу же умру, провидец Доо! Может, он уже совсем-совсем сумасшедший?

Проговорив до середины ночи, провидцы наконец разошлись, а наутро уже Ясурама стоял под дверью Доо, откуда раздавался исполинский храп.

Осита несколько раз пытался разбудить господина, перед сном успокоившего нервы сливовой настойкой, но ему это не удалось, и он поспешил за Ясурамой, поскольку новости были такие, что ни в сказке сказать.

– Друг мой, скорее просыпайтесь! – выпалил долговязый провидец, тормоза Доо.

– Ясурама! Что же вы пляшете перед моей кроватью, как в очереди в уборную? – возмутился тот, потирая заспанные глаза. – Что такое стряслось?

– Уже обед! – сообщил Осита, подпрыгивая. – Уже самый настоящий обед! А Каёси-танада только проснулся! Вы представляете? Он спал до сих пор! Он ни разу за ночь не

просыпался, не покрывался потом и не кричал! Ни разу! И он не пил вчера сонные таблетки! Точно не пил!

– Что же творится! – всполошился Доо, щупая ступней ковер в поисках обуви.

Осита тут же подскочил к нему и взялся напяливать на пухлые ноги мягкие кожаные башмаки.

– Кажется, ветер пахнет! – сказал Ясурама, дрожа всем телом.

– Что? – не понял Доо.

– Ветер! Ветер пахнет! Ну, вспомните, осенью вы говорили об этом! Перед тем как Кайюши-танаду велели выпороть!

– А-а, вы имели в виду, ветер несет перемены? Это точно. И большие перемены, провидец Ясурама! Осита! А ты носи нам завтрак. И желательно с той же скоростью, что и ветер. Я от этих переживаний испытываю ужасный голод. Мы вот-вот оголодаем настолько, что сможем переговариваться исключительно бурлениями в животах!

– Но вам нельзя завтракать! – выдохнул Осита, подавая господину платье. – Каёси-танада просил вас позвать! И просил вас не завтракать! А идти прямо к нему! Он сказал! Он сказал, что день пришел!

Услышав это, Доо собрался быстрее, чем лепесток падает под тяжестью дождевой капли. Ясурама заметался по каюте в поисках желтого наряда, но времени на это не осталось. Как только Доо завязал пояс, они выбежали в коридор, где было так же сумрачно, и быстрым шагом направились вслед

за Оситой.

Время близилось к обеду, но чернотень превращал затменные сутки в одну большую ночь. За закрытыми иллюминаторами не было видно порта, мачт со сложенными парусами, стапельных площадок и торговых навесов. Казалось, что существует лишь корабль, плавающий где-то в пустоте, словно шарик внутри огромного кита Мазухи.

На пароходе царило безмолвие, будто все еще спали. Обычно было слышно, как шумят на палубе, но сегодня моряки прятались в каюте на полубаке³. Там набиралось без малого шестьдесят человек: повара, кочегары, грузчики, матросы и остальная команда, которую венчал мрачный капитан, по прозвищу Лысый Лев. Он всегда носил голубую панамку, якобы приносящую удачу.

По словам провидца Доо, быстро разузнавшего все особенности «Мурасаки», это судмирское судно раньше использовали не для перевозки грузов, а для развлечения пассажиров. На нем совершили не одно кругосветное плавание, прежде чем его выкупил Кайоши-танада. По этой причине оно было оснащено паровой машиной, которая занимала довольно большую часть нижних палуб, хотя использовалась далеко не всегда. За счет нее приводились в движение гребные колеса, пульсировавшие, словно две половины корабельного сердца. Они позволяли судну развивать скорость до пятнадцати – двадцати узлов в час при хорошем ветре,

³ *Полубак* – надстройка над верхней палубой в носовой части корабля.

что для обычного парусника было невозможно.

В общем виде «Мурасаки» делился на три зоны: зона команды, зона слуг, которую сейчас занимали остроухи и веды (особенно обижал тот факт, что руссивки отказались от роскошных покоев, предпочтя соседство с неразговорчивыми мужланами), и зона путешествующих господ, где жили провидцы и Кайюши-танада. Каюты уважаемых гостей не пересекались с каютами черни благодаря хитро устроенным коридорам. Вот почему на корабле не так-то просто было встретить людей, и вот почему провидцы чувствовали себя так, будто брели внутри пустой скорлупы огромного, обитого деревом яйца.

Они прошли мимо обеденного зала с резными ставнями на окнах, мимо статуй прекрасных девушек, держащих фанари, и мимо лестницы, спускавшейся на другую палубу, где теперь жили порченые дети.

– Они совсем-совсем неразделимые. Как грейпфрутовые дольки! – заявил на этот счет Осита. – Заняли большую каюту, которая раньше была чайной, им туда даже кровати перенесли. Они уже пообедали, сидят тихонько, как мышки. Только один у них резвый. Беззубый такой, ушастый, как обезьянка, весь корабль уже оббегал как с шилом в зад.

Пока друзья слушали историю о Шивиле, ноги привели их в покои сына Драконов, и пришло время для настоящих волнений. У открытой двери стоял остроух то ли на случай, если Кайюши-танаве понадобится помощь, то ли для защиты

от непрощенных гостей. Сам провидец сидел в обычном мягком кресле, уже одетый и умытый, и было странно видеть его без деревянных колес и ремней.

Друзья поклонились, полные благоговейного трепета, и тонкие ноздри Ясурамы тотчас уловили сильный запах камфорного дерева. Покои Кайюши-танады, несмотря на все восклицания Оситы, оказались скромными по размеру, но все здесь выглядело дорого, начиная от судмирского ковра с ворсом толщиной в два пальца и заканчивая росписями на стенах с очень странными сюжетами, какие и во снах-то привидятся редко. Иллюминатор был закрыт резной створкой и зашторен блестящей занавесью.

– Подожди снаружи, Осита, – сказал Кайюши-танада.

Ясурама отметил, что, несмотря на бледность, провидец выглядит свежее и уж точно приятней обычного. Почти ушли жуткие темные круги под глазами, и взгляд стал не такими диким, как описывал мальчик. Но он был глубоким и пронзительным, будто Кайюши-танада знал и об униками, и о каждой из пропущенных медитаций, и о попытках подарить платье Унаре, и об их с Доо сплетнях. И снова Ясурама поймал себя на мысли, что Кайюши-танада не кажется ему человеком.

– Приветствую вас, уважаемые.

Провидцы еще раз суетливо поклонились и застряли, столкнувшись у порога: проем был слишком узким, чтобы они могли пролезть туда оба.

– Пожалуйста, проходите первым, – предложил Ясурама.

– Нет, что вы! Это вы должны пройти первым! – возразил Доо. – Вы выше меня по рангу.

– Зато вы умнее!

– А вы старше!

Провидцы спорили еще с минуту, пока Кайоши-танада не рассердился.

– Дождусь я вас сегодня или нет?

– Давайте просто пройдем боком! – шепотом предложил Доо, от которого остро пахло потом.

Провидцы встали спинами друг к другу и протиснулись в проем, как тонкая щепка и пузатая пробка в горлышко бутылки.

– Садитесь, пожалуйста, – сказал Кайоши-танада.

Ясурама почувствовал, как у него сами собой подгибаются ноги. Он почти упал на подушку перед провидцем. Доо все же сохранил остатки изящества в этом вопросе, и Ясурама искренне им восхитился. Волнение друга выдавали только темные пятна под мышками и взмокшие ладони.

– Вы хорошо потрудились в последние дни, – кивнул Кайоши-танада. – Вам было тяжело выполнять все условия, вы во многом себя ограничивали и не задавали вопросов. Это достойно поведения истинных предсказателей императора. Я думаю, сегодня настал тот самый день, и вы готовы перенять мой дар.

Провидцы слушали затаив дыхание и низко склонив голо-

ву, отчего видели только фиолетовые башмаки Кайоши-танады с круглыми носами, украшенные золотой вышивкой и бисером.

– Отныне вы станете сосудами для силы Великих Драконов, и ваши способности улучшатся. Это произойдет не сразу, а постепенно. И скорость раскрытия вашего таланта будет зависеть от работы над собой, медитаций и внимательного отношения к профессии. Скоро мы продолжим наше путешествие через Медвежье море и окажемся в Соаху, а когда я закончу все дела там, то отправлю вас домой через Серебряный пролив и Море Трех Царств. По прибытии в Чаин вы передадите настоятелю мою личную печать как символ власти. Письмо, продиктованное мной, уже находится у него, останется только узаконить его. С этого дня и до прибытия в Соаху начнется вторая половина вашей подготовки. В качестве тренировки вы должны будете настроить все ваши видения на путешествие к Тетраю. Думайте только о нем и каждый раз, когда увидите что-то, похожее на пророческий сон, тут же сообщайте мне.

– Кайоши-танада, вы невероятно щедры, – низко поклонился Доо, почти коснувшись лбом пола. – Но, признаться, меня немного тревожит такое положение дел.

Ясураму оно нисколько не тревожило, напротив, он внутренне вопил от радости, но знал, что провидец Доо, в отличие от него, гораздо наблюдательней, хитрее и умнее в делах жизненных. И если он что-то заподозрил, к этому стоит при-

слушаться.

– В чем дело? – спросил Кайюши-танада.

– Провидец Арияма беспокоит меня, – сказал Доо. – Я предполагал, что мы доберемся до Валаара, а потом отправимся в обратный путь снова через Руссиву. В таком случае мы были бы дома уже через несколько тридов, а так получается, что наше путешествие займет почти год. К этому времени провидец Арияма наверняка будет на хорошем счету у императора. Он уже бывал на этой должности, когда прислуживал отцу уважаемого Ли-Холя.

Ясурама поразился догадкам Доо, и ему тоже стало не по себе.

– Потому вам и стоит как можно лучше развивать свой талант и то, что я вкладываю в вас, – холодно сказал Кайюши-танада. – Для этого я отправился с вами на Валаар. Я не смогу сопровождать вас на обратном пути и посылаю вас через Соаху для вашей безопасности и для воплощения воли Богов-Близнецов. Они предусмотрели все, прежде чем подсказали мне выбрать вас. И я знаю, что вы сумеете сместить Арияму так же, как некогда сместил его я. Ибо теперь вы мои преемники. Наследники силы обоих Драконов.

– Кайюши-танада, умоляю вас простить мою дерзость! – снова низко поклонился Доо. – Но прошу вас, расскажите нам, что происходит на корабле? Все эти странные люди, которых вы собираете, зачем они? И какую волю Драконов вы собираетесь воплотить? Мы целиком доверяем вам, но

невозможно так долго находиться во власти неведения! Если мы ваши преемники, то нельзя ли нам узнать о великой воле Драконов и чем-нибудь помочь?

– Взгляните на мои руки, – попросил Кайоши-танада.

Ясурама с благоговением воззрелся на белую ладонь провидца, отметив при этом, что рука у него совершенно гладкая. Без единого волоска. На ладонях и пальцах виднелись странные знаки, которые некогда трактовались монахами благословением самих Драконов, но провидец Доо относился к тем, кто презирал теорию о «божественном вмешательстве». Он считал, что Кайоши-танада и настоятель просто хотят нагнать мистического туману и якобы даже кто-то видел, как поздно вечером в храм впустили постороннего человека и провели в покои Кайоши-танады. Наверняка им был татуировщик, тайно приглашенный Цу-Дхо. Ясураме этот вывод казался вполне правдоподобным, но, когда он увидел крошечные знаки своими глазами, его обуял суеверный трепет. Провидец Доо разглядывал другую ладонь с неменьшим восторгом.

– Ходило много разных слухов об этом, – сказал Кайоши-танада, – но мы с настоятелем до поры держали правду в секрете. Теперь я дозволю вам коснуться этой тайны. И я хочу, чтобы, когда все свершится, вы рассказали настоятелю Цу-Дхо и самому императору о великом деянии, ниспосланном нам Драконами... Провидец Ясурама, зачем вы трогаете мою руку?

– Но вы же сказали, что дозволили нам коснуться тайны! – встрепенулся долговязый провидец.

– Это образное сравнение! – прошипел Доо.

Красный от стыда Ясурама принялся просить прощения и бить поклоны с остервенением чайнского болванчика.

– Вы скоро начнете стучаться лбом о мое колено, прекратите, пожалуйста, – произнес Кайоши-танада и продолжил рассказ: – Эти знаки – пророчество Богов-Близнецов о том, что в Золотой День случится зенит затмения – великая кара, ниспосланная людям за грехи. Черный Дракон овладеет разумом Белого Бога за сутки до черnodня и сожжет всех живых существ, где бы они ни находились, даже под землей. Светлый Близнец знает об этом, и через меня он дал сетеррийцам шанс выжить. Сейчас я воплощаю его волю. Для этого мне нужно быть в Соаху в Золотой День. Для этого я собираю людей, которые могут показаться вам неудобными. Они – не глупая прихоть сумасшедшего. Они – воля Белого Дракона, ради исполнения которой я нарочно умолчал о некоторых своих видениях, дабы навлечь на себя гнев императора, что привело к макари и помогло мне выбраться из храма, не подвергнув его удару, который мог бы свершиться от моего прямого побега.

– То есть выходит, – выпучился Доо, забыв смотреть на провидца уважительно, – вы все это подстроили нарочно?! И вы навлекли гнев императора для того, чтобы исполнить великую волю Светлого Бога?!

– Так и есть, – согласился сын Драконов. – Я не ошибся ни разу за десять лет, а вы в самом деле поверили, что великий Кайюши-танада вдруг начал терять силу? Я умру в Золотой День и отдаю вам свой талант не потому, что не могу его удержать, а потому, что должен пожертвовать собой ради сохранения человеческого рода. Я не могу позволить дару исчезнуть, он должен продолжать служить императору и Чаину. Поэтому я выбрал преемников. Есть большая вероятность, что я перерожусь сыном Ли-Холя. И вот почему я хочу, чтобы вы как следует тренировались. Вам выпадет честь прислуживать моему новому воплощению. Я хочу, чтобы вы стали летописцами этой истории. Вы должны описать мой путь, дабы воскресить из пепла и очистить слезами благодарности мое имя, запятнанное ради нашего императора, Чаина и всего мира. Я умру в Золотой День, предотвращая самое великое затмение за всю эпоху Близнецов. Вместе с Цу-Дхо напишите об этом хронике, используя все мои знания и материалы, что хранит настоятель. А когда я рожусь заново, в новом теле, и немного подрасту, расскажите мне, кем я был.

Воцарилась торжественная, сакральная тишина, от которой шум волн за иллюминатором стал особенно мрачным.

– Но это же нам придется признаться, что вы на самом деле были живы! – осторожно сказал Ясурама и обрадовался тому, что догадался раньше Доо и, значит, не совсем еще бесполезен.

– Мы объявим, что он был мертв, но в дороге Драконы

его воскресили, – как всегда быстро сообразил Доо. – А мы не знали этого до той поры, пока Кайоши-танада не воскрес! Если случится нечто столь великое, разве эта крохотная ложь во благо кому-то помешает? И я уверен, что нас поддержит настоятель!

Кайоши-танада снисходительно кивнул и устремил взгляд на Ясураму.

– Есть ли у вас какие-то беспокоящие вопросы? – спросил он так вежливо, что у тощего провидца сперло дыхание. – Может, вам тоже что-то не дает покоя, но вы стесняетесь спросить? Я хотел бы развеять ваши тревоги, чтобы вы тратили больше времени на медитации, а не на разговоры и домыслы.

– Да, Кайоши-танада! – воскликнул Ясурама, едва не впечатавшись лбом в пол. – У меня есть один вопрос, который нам с предсказателем Доо уже очень давно не дает покоя!

– И какой это вопрос? – спокойно поинтересовался сын Драконов.

– Мы никак не можем взять в толк, а почему у вас коричневая пижама? – спросил Ясурама. – То есть горчичная? То есть... Цвета южного рогоза... Разве это не нарушает правило двух цветов?

– Это и есть ваш самый важный вопрос? – приподнял брови Кайоши-танада. – Вас все это время беспокоила моя пижама?

– Да!

Ясурама опустил глаза в пол и боялся даже поглядеть на сына Драконов.

– Что ж, – вздохнул великий провидец. – Меньше доверяйте болтовне Оситы. Он не разбирается в символике и тонкостях традиционных одеяний. Я не ношу горчичный цвет. Оттенок моей пижамы называется «ночное золото». Он немного темнее обычного и действительно напоминает южный рогоз, который, смею заметить, называют золотым рогозом. Я облачаюсь в цвет Белого Дракона, чтобы он поддерживал меня, пока я нахожусь во власти темноты. Но я должен уважать Змея, поэтому оттенок моей пижамы приглушен фиолетовым.

– О-о-о! – только и смог сказать Ясурама.

– А теперь вы не могли бы помочь мне с обрядом, пожалуйста?

Кайюши-танада кивнул в сторону тумбы, где мерцала удивительно красивая шкатулка из чистого золота с изображением драконов. Она была инкрустирована черными бриллиантами и аметистами и так переливалась в свете резного фонаря, что спирало дыхание. Провидец Доо без лишних слов понял, что нужно делать. Он откинул крышку, и провидцы увидели внутри, на фиолетовой подушечке, рисовые шарики с женьшенем и орехами – церемониальное угощение для приемников. Рис в нем символизировал чистоту помыслов и непорочность, орехи – разум и умения Кайюши-танады, а женьшень – здоровье и крепость тела. Он был особенно

важен в том случае, если макари провидца назначали из-за недуга. Тогда существовала опасность, что вместе с силой в тела приемников проникнут и его болезни. Но женьшень защищал от этого как нельзя лучше.

– Съешьте их и выпейте немного вина, – велел Кайюши-танада. – И пусть с этой едой моя сила перейдет к вам. Отныне вы оба – первые провидцы императора, а я больше не увижу ни одного видения, как не увидел их этой ночью, ибо уже вчера передал свою силу в эти рисовые шарики.

– Теперь мы не имеем права выходить на солнце, не так ли? – неожиданно понял Ясурама.

– Вовсе нет, – успокоил его Кайюши-танада. – Вы не при-
мали, так что вам нет необходимости прятаться в каюте днем.

Провидцы с благоговением вынули сокровище из ларца и, поглядев друг на друга влажными от слез глазами, проглотили его, почти не жуя, а потом запили вином. И с первым же глотком провидцу Ясураме показалось, что он и в самом деле чувствует, как божественный нектар великой силы обжигает нутро и магия Кайюши-танады вливается в тело, наделяя его талантом невообразимой, пугающей силы.

– Это не все, – сказал сын Драконов. – Я приготовил для вас еще кое-что.

Дверь открылась, и остроух внес в каюту мальчика без ног. Он усадил его во второе кресло, справа от Кайюши-танады. У Ясурамы все волосы на теле встали дыбом. Он ни-

когда не видел порченных людей так близко и боялся их до ужаса. Испуганный Доо молча потянулся к другу пухлыми пальцами и сжал его шнурок на рукаве. Ясурама, не глядя, сделал то же самое.

– Этого человека зовут Астре, – сообщил Кайоши-танада. – Ради него я отправился на Валаар. Он поможет вашему дару раскрыться как можно скорее. Это великий прималь, наделенный силой Черного Дракона. Дайте ему свои руки по очереди. Сначала вы, провидец Доо. Вы будете направляющим. Через вас провидцу Ясураме будут приходить видения. Сами же вы будете видеть пророческие сны реже, ибо ваша сила состоит в контроле.

Ладонь мальчика утонула в пухлых пальцах друга. Кайоши-танада что-то сказал, калека кивнул и начал повторять слова. Видимо, он не знал языка Чаина, поэтому Кайоши-танаде пришлось диктовать.

– Ваше сознание отныне будет настроено на видения настолько, насколько это возможно, – сказал мальчик с сильным акцентом. – Это мой приказ вам – отныне настроиться на путешествие в Соаху. Пусть ваше подсознание использует все сокрытые в вас резервы. Пусть ваш талант раскроется, подобно цветку.

Взяв мальчика за руку, Ясурама осознал странную вещь. Он совершенно не боялся, и ему не было противно. Люди говорили, что один взгляд на порченных вызывает у них тошноту и дурное настроение на весь день, а Ясураме было даже

интересно смотреть на мальчика и слушать его. И он позабыл о важности момента, думая эту неожиданную мысль.

– Не получилось, – сказал Астре, когда провидцы ушли. – Я же вам говорил, что не могу приказывать людям, если они старше меня.

– Ваша роль заключалась не в этом, – заявил сын Драконов. – Я просто разыграл для них спектакль. Вы знаете о силе самовнушения? Если убедить смертельно больного, что сейчас он выпьет лекарство, посланное самим Белым Богом исцелить его, то на другой день человек проснется здоровым.

Астре внутренне содрогнулся.

– Вы не об этом говорили, когда просили помочь!

– Боюсь, вы не согласились бы, скажи я правду, – холодно заметил Кайоши. – У меня не было выбора, Астре. Я должен был что-то придумать, иначе мы окажемся вообще без подсказок.

– Я знаю, что вы переживаете из-за потери дара, но это не повод пускаться во все тяжкие!

– Да что вы знаете?! – прошипел Кайоши. – Что вы понимаете, Астре? Видения – это все, что у меня было. А теперь я остался без них. В самое трудное для нас время. Поэтому будьте добры, избавьтесь от ограничения по возрасту как можно скорее. Карима уже в семнадцать могла управлять кем угодно. В чем ваша проблема? Вы уже говорили об этом с Нико? Я хочу, чтобы вы вернули мне видения и, если Змей

опять появится, приказали ему никогда больше не выходить.

Астре не успел ответить: в коридоре послышались шаги, и внутрь ввалился легкий на помине принц с каким-то рулоном под мышкой.

– Ты на масле экономишь, великий богатей? – цыкнул он, подкручивая лампы. – Чего в темноте сидите?

В каюте тут же стало светлее, и Астре разглядел потолочные росписи. На красноватом дереве плясали танцовщицы в ярких шароварах с разрезами по бокам, слуги несли на циновки блюда и вина, среди цветов сидели птицы с диковинными хвостами и подпевали дудочнику, который сам был размером с попугая и разъезжал на коте. Животное оседлали на манер судмирского слона, и на лапах у него были смешные остроносые тапки, а на голове – тюрбан, из которого торчали увешанные круглыми колокольцами уши. Принц закрыл дверь, сдвинул оба кресла к иллюминатору, освобождая пространство на полу, и раскатал рулон, оказавшийся картой Сеттеры.

– Мы пытались добиться мистической атмосферы, – пояснил Кайюши. – А как ваши успехи?

Принц выглядел взбудораженным. Он подошел к столу с резными бортиками, порыскал по нему и схватил вазочку с круглыми конфетами в глазури. Потом вернулся к карте.

– Я еще раз просмотрел книгу Такалама, – сказал он скороговоркой, – и перечитал все твои видения. Ну и паршивый же стиль в твоём храме, Клецка! Ты хотя бы когда на соах-

ский эту дребедень переводил, не мог, что ли, перефразировать на человеческий язык? Я утонул в твоих метафорах!

– Вы абсолютно бестактны, и я настоятельно прошу вас перестать называть меня Клецкой! – возмутился Кайоши.

– А то что? – огрызнулся принц. – Креслом меня передеешь? Ладно, в общем, смотрите.

Он взял несколько темных шариков и разложил на карте, отметив Руссиву, Намул, Твадор, Террай и несколько островов.

– Люди, которых собрал Клецка, родом из этих мест, – сказал принц, указывая на конфеты. – И я заметил две вещи. Во-первых, здесь полно представителей крупных стран, благодаря которым в плане задействованы минимум четыре материка и архипелаг. Не включены только Исах, Ноо и Нанумб, но как раз там у Такалама есть последователи. То есть Клецка выполнил одно из условий старика. Такалам хотел, чтобы в Соаху к шествию примкнули представители всех значимых стран, раз уж не удалось убедить других монархов собрать свои круги. И во-вторых, у нас уже есть росинские веды, а еще будут примали Таоса. Исходя из записей Такалама – это самые сильные колдуны мира. И я уверен, что они нам здорово пригодятся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.